

— Это следователь Аванесов, он хотел бы поговорить с кассиршей, которую ты вчера ко мне подводила. Следователь молча кивнул, соглашаясь.

— С Кузей? Ой, в смысле, с Тамаркой Кузнецовой? Она где-то здесь ходила по торговому залу, работает сегодня на фасовке товара. Пройдемте к ней в подсобку, там прохладно.

Они прошли через большой торговый зал, обогнули длинные очереди, чуть не запнулись об упаковки молока и уткнулись в тяжелую металлическую дверь. Следователь дернул за ручку, но дверь не поддавалась. Металлическая поверхность, усыпанная болтами, как осенняя поляна грибами, не имела заметной скважины, поэтому достучаться до Кузнецовой было проблематично. Тогда Аванесов надавил изо всех сил, пружина натужно закрипела, и в двери показался просвет.

— Наконец-то, — обрадовалась Серафима, — а то не дверь, а ловушка какая-то, — и тут же осеклась.

Рыженькая худенькая продавщица Тома лежала на полу подсобки, раскинув руки. Вокруг ее головы веером была разбрызгана кровь, к которой из маленького окошка подсобки шли тонкие лучики света, и казалось, что Тамара лежит в ореоле из томатного кетчупа. Продукты, беспорядочно раскиданные по помещению, валялись на полках и в ящиках.

— Аааааа! — закричала Лена. — Кузя, Кузичка, Томочка, вставай! Сима, которая сразу все поняла, обняла Дементьеву и тихо гладила ее по голове: — Не слышит она тебя. Не

успели мы, не успели мы с ней поговорить.

Оживился только Аванесов, который, как служебная собака, начал обходить, осматривать и обнюхивать помещение.

ЖУРНАЛИСТСКОЕ
РАССЛЕДОВАНИЕ

Ценник красивой жизни

Людмила
ФЕРРИС

— Похоже на удар рубящим предметом, например, топором, следы об этом говорят, — заметил следователь. Топор, а скорее всего, это был орудие преступления. Топор, а скорее всего, это был орудие преступления. Топор, а скорее всего, это был орудие преступления.

— Было ли там что-то ценное, если бы не это, всегда было бы так, ведь как бывает, — сказала Лена. — Ах, да, всегда было бы так, ведь как бывает, — сказала Лена. — Ах, да, всегда было бы так, ведь как бывает, — сказала Лена.

Сима головой пыталась сложить обрывки приходящих мыслей:

— Это явно тот мужик, что

покупал коньяк и конфеты. А откуда он узнал, что Тома успела мне рассказать? Не мог он этого знать, если только в этот день случайно не слышал наш разговор, но это абсурд какой-то!

Аванесов тем временем выпроводил женщин со склада, встретил опергруппу с кинологом, и они начали осмотр места происшествия. Убийство было совершено примерно около часа назад. Служебная собака, обнюхав какую-то мужскую кепку, валявшуюся в подсобке, покружилась у двери универсама, где шла бойкая вечерняя торговля, и залаяла на молодого охранника. Парень испуганно согласился, что кепка его и потерял он ее полгода назад. А она, оказывается, все это время в подсобке валялась!

Больше никаких вещдоков, имеющих принадлежность к мужскому полу, или просто подозрительных деталей в производственном интерьере обнаружить не удалось. На месте происшествия сделали, как и положено, видеозапись, фотографии, составили схему, зафиксировали следы крови и положение трупа, а также взяли на анализ различные микрочастицы. Топор, а скорее всего, это был орудие преступления, обнаружить не удалось.

Попотливая рабыня, Серафима и Лена сидели в кабинете Дементьевой. В кабинете маленькую со слепым окном было сложно, но зато хранения верхней одежды, а также других предметов туалета и кое-каких рабочих бумаг вполне подходило. В кабинет даже втиснулся стол, он был завален многочисленными

Журналистское расследование (Эксмо)

Людмила Феррис

Ценник красивой жизни

«Эксмо»

2017

УДК 821.161.1312.4
ББК 84(2Рос=Рус)644

Феррис Л.

Ценник красивой жизни / Л. Феррис — «Эксмо»,
2017 — (Журналистское расследование (Эксмо))

ISBN 978-5-699-94147-6

После того как старейшего сотрудника редакции Серафиму Новикову уволили из газеты, она устроилась гардеробщицей в концертный зал. Но такая скучная работа не для Сима, она привыкла быть в эпицентре событий! Поэтому она вовсе не испугалась, когда во время одного из концертов случилось непонятное происшествие: Сима заметила на вешалке эффектное пальто, которое она точно не принимала! Дальше – хуже: она обнаружила убитую девушку! Сима решила сама выяснить, кто и почему ее убил. Это ее журналистский долг! Потому что бывших журналистов не бывает...

УДК 821.161.1312.4
ББК 84(2Рос=Рус)644

ISBN 978-5-699-94147-6

© Феррис Л., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	37
Глава 11	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Людмила Феррис

Ценник красивой жизни

© Феррис Л., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Глава 1

Труп в туалетной комнате

Женское пальто было очень красивым – вельветовое, в мелкий рубчик, иссиня-черного цвета. Пуговички-кнопочки располагались аккуратно в ряд, как на баяне: того и гляди – задвигаются и заиграют.

«Интересно, какая же хозяйка у этого пальто? Наверное, холеная, с наманикюренными ногтями, на высоких каблуках», – подумала гардеробщица Серафима Павловна Новикова.

За два года работы в гардеробе БКЗ – городского большого концертного зала Серафима научилась безошибочно определять хозяина сданной на хранение верхней одежды. Вертлявые худенькие дамочки любили наряжаться в светлые тона драпа, женщины покрупнее предпочитали темные. Женат мужчина или нет, можно было понять сразу, у женатых вешалка крепко пришита, а холостяки сдавали пальто с вешалкой оторванной. Сима ругалась: «Что, некому вешалку пришить?», и, услышав в ответ, что некому, иногда пришивала оторванные петельки сама.

– Ты что, сумасшедшая? – возмущалась сменщица. – Этой услуги в прејскуранте нет!

Но Сима молча улыбалась и продолжала пришивать. Когда-то в «другой жизни» Серафима Павловна была далека от ремонта вешалок, но мысли о прошлом она гнала, как назойливых мух.

Модное черное вельветовое пальтишко Сима не принимала, это она помнила точно, но пальто висело на «ее номерках».

– Удивительное дело! Мимо меня никто не проскочит, а тут целое пальто появилось?! Неужели повесили, когда я бегала в буфет?

Десять минут на прием пищи гардеробщицам было официально разрешено, а Сима, как ей казалось, отошла всего минут на пять. Да и кому понадобится одежда в разгар концерта?

Серафима Павловна присела на стоящую за вешалками скамейку, деревянная плашка больно царапнула ногу, тоненькой струйкой потекла кровь. Серафима, ахнув, захромала в туалет. Вчера в туалете не работал кран, он фыркал и выдавливал по несколько капель воды.

В туалетной комнате всегда было чисто и пахло белизной. Серафима любила это время предвкушения, когда в фойе царил покой, но вот-вот закончится концерт, и публика хлынет оживленным потоком по длинной мраморной лестнице. Застучат, как клювы птиц у кормушки, номерки, и она будет порхать по гардеробу, выдавая вещи. Сегодня кран починили. Но едва Сима открыла дверь, как увидела ноги.

Очень красивые ноги, стройные, в обтягивающих чулочках. Все, что было выше ног, тоже выглядело красиво – светлые кудрявые волосы, нежное лицо с большими ресницами, длинные пальцы. Только девушка не подавала абсолютно никаких признаков жизни.

Серафима Павловна не растерялась, она вообще была дамой сообразительной и до работы гардеробщицей в БКЗ долго трудилась в городской газете, возглавляя отдел информации. Работа с информацией и журналистика как таковая, естественно, тренирует и нервы, и психику. Психика у Серафимы была устойчивой. Она проверила у девушки пульс, пульс не нащупывался, и побежала в приемную, к директору, попутно крикнув дежурной Галине:

– Вызывай полицию и «Скорую»! В туалете труп!

Галка охнула, заверещала и начала звонить, а Сима, перепрыгивая через ступеньки, добегала до третьего этажа, где находился кабинет директора, и, запыхавшись, ворвалась туда без стука:

– Петр Петрович! Беда!

– Номерок не вернули, Серафима Павловна? – Но подняв глаза, Петр Петрович удивился: – Ты откуда такая всклокоченная? И кровь на ноге! Террориста задержала, который пытался прорваться на симфонический концерт?

– В туалете труп молодой девушки. Галя вызывает полицию. Спускайтесь срочно. Сейчас концерт закончится, выйдут люди. Надо успеть что-то сделать!

Вместе с испуганным директором они закрыли туалет, повесив вывеску «Не работает», выдача одежды была усилена несколькими дежурными, и только тогда вздохнули с облегчением, – публика ушла в неведении, и никто не догадался, что в туалете БКЗ, совсем рядом с гардеробной, лежит труп молодой и красивой девушки.

Пока ехала полиция, допрос с пристрастием устроил директор. Как оказалось, охранник чем-то отравился и приходил в себя в каморке персонала, а его функции взяла на себя дежурная по фойе Галина Сергеевна, успокоив, что народу на концерт пришло человек пятьдесят, немного по городским и концертным меркам, поэтому особо сторожить было незачем.

Бледный охранник клялся и божился, что отсутствовал минут десять, не больше. Петр Петрович застонал, схватившись за голову.

– Дорогие мои, я прямиком пойду по статье «халатность». Галина Сергеевна, вы ведь отлучались с рабочего места?

– Никуда я не уходила, – с ясными глазами соврала дежурная, которой через полчаса после начала концерта надоело одной торчать у входа, и она отправилась в каморку к охраннику узнать о его здоровье. Охранник был вдовцом и последний месяц оказывал Галине всяческие знаки внимания.

Серафима об этом догадывалась и понимала, что Галка нагло врет. Никого на входе не было. Да, Петра Петровича по головке не погладят, и поэтому директора надо выручать.

Серафима Павловна попала в гардеробщицы БКЗ совершенно случайно. Много лет верно и преданно она служила в городской газете и была готова работать там до своего столетнего юбилея, но ветры перемен коснулись ее любимого издания. Прежнего главного редактора забрали в другой город, на повышение, а новым учредители назначили молодого человека по имени Артур Цепляйло, экономиста по образованию. Он срочно начал проводить реформы и в первую очередь предложил уволиться пенсионерам, в список которых попала и Серафима. Она не стала унижаться и объяснять, что прошло только два месяца с ее «пенсионной даты» и что она полна сил.

Когда новый руководитель, а Сима называла его про себя «мальчиком», пригласил ее в кабинет, сразу все стало понятно. Цепляйло смотрел куда-то в сторону, в окно, и будто разговаривал тоже с окном.

– Вы знаете, мы решили омолаживать кадры в газете.

Серафима Павловна даже поднялась на цыпочки, чтобы видеть, что же происходит за окном, может, там находились «мы», на которых ссылался новый начальник? Но из окна было видно только дорогу и медленно ехавший по ней трактор.

«Вот и я трактор, – подумала Сима. – Старый трактор, этакий первенец советского тракторостроения. Но откуда пришлому мальчику знать, что такая машина рассчитана на серийное производство и двигатель у нее хоть куда».

– Наверное, вам пора отдыхать, – продолжил свою речь Цепляйло.

– Наверное, – согласилась она и подумала, что все в жизни происходит не просто так.

Дочь Вера как раз накануне очень просила мать оставить работу и помочь с ребенком. Единственному внуку, пухлому Тимошке, стукнул год, и дочка хотела выйти на работу.

– Вы напишете заявление? – обрадовался мальчик.

– Напишу, – ответила Сима и снова заглянула в окно. Трактора уже не было.

Когда Серафима Новикова сообщила коллегам, что сегодня у нее последний рабочий день, в редакции не поверили.

– Как ты без газеты? А как газета без тебя? – удивленно спросила Катя.

Екатерина была единственной ее подчиненной. Собственно, отдел информации в газете состоял из двух человек – Серафимы и Кати. Но Сима всегда знала, что информация, которую они добывают, как крошки золота из руды, старательно «намытые», считалась стержнем издания.

Это для молодых журналистов найти информацию проблема. А у Симы имелось свое «досье», проверенное годами, где даже «законсервированные» на время источники в нужный момент могли использоваться незамедлительно. Кстати, когда материал появляется на полосе, то требуется снабдить его ссылкой на источник. Если информатор не возражает против обнародования своего имени, – это лучший вариант для газеты. Но многие собеседники журналиста боятся «репрессий» со стороны своего начальства и не хотят общественной огласки, и тогда журналист вынужден вместо имени писать: «говорят, что...», «ожидается, что...», а это ослабляло материал.

Серафима Павловна обладала магией не только убеждения, но и пользовалась непревзойденным авторитетом среди своих информаторов. Она была журналистом, статьи которого всегда читали и ради которых многие покупали газету.

Ответа на Катин вопрос Сима не знала, потому что газета – это вся ее жизнь, как бы пафосно ни звучала фраза. Но оставаться в редакции сейчас было невозможно, – мальчик ее унизил и не считал даже нужным поговорить. Дорога за окном ему была интересней живого человека.

Два года Серафима «работала бабушкой» – варила кашу, ходила с внуком гулять, играла, словом, очень добросовестно выполняла свои обязанности. Каждый четверг, тайком от дочери, Сима покупала свою прежнюю газету и читала ее от корки до корки. Она «болела газетой» и знала, что это неизлечимо. Но на то человек и высшее существо, что он пытается управлять своими эмоциями. Только Симе для этого необходимо было исключить газету из своей жизни, что не получалось, получилось только перестать общаться с бывшими коллегами. Для них Сима уехала – «далеко и надолго».

Отвлекал от переживаний малыш, внук, который занимал все пространство, Серафиме даже иногда не хватало времени для встречи с подругами – Ириной и Асей. Наконец Тимку устроили в садик, а Серафима заскучала еще больше, ведь за это время свою жизнь она подменила жизнью внука и совершенно не знала, что теперь делать.

На объявление «В большой концертный зал требуется гардеробщица» Сима натолкнулась невзначай.

– Почему нет? – спросила она себя. – На людях легче, чем одной.

И поднялась по мраморной лестнице. Только вот говорить руководству о том, что она бывший журналист, желания никакого не было. Сказала, что учительница, впрочем, почти не слушала, за плечами у Серафимы был филологический факультет «педа» и целый год школьного стажа. О тридцатилетнем стаже журналистском она умолчала.

Ее приняли сразу, и Сима легко расположила к себе директора Петра Петровича. Он решил, что бывшие учительницы вряд ли пьют и прогуливают. Последнее время с гардеробщицами у него не ладилось.

И директор ни разу не пожалел. С Серафимой Павловной все сложилось хорошо, к работе она относилась ответственно и никаких нареканий не имела.

Серафима полюбила БКЗ всей душой, ей нравилось все: бархатный занавес и отлитые под золото с вензелями ручки красных кресел, величественные мраморные лестницы, роскошные шторы на окнах и даже номерки в гардеробе – круглые, с тисненым скрипичным ключом. Только последняя находка – труп в туалете, никак не вписывалась в ее восторженный сценарий.

На место происшествия прибыл следователь Руслан Аванесов. Он внимательно осматривал тело и кабинку, в которой оно обнаружилось.

– Я знаю этого мужчину, он с мусорным ведром из соседнего подъезда выходит, – зашептала Серафима Гале.

– Откуда ты всех знаешь?! У тебя вокруг столько знакомых. Следовательно, и тот в соседнем подъезде живет. Труп тоже ты нашла! – завистливо сказала Галя.

– Нашла чему завидовать! Ты бы помолчала лучше, подставила всех, охранница фигова, тоже мне! Следователю и в голову не придет, что у нас нынче двери настежь – заходи, кто хочет! И молчи про своего престарелого Ромео, у Петра Петровича могут быть неприятности.

Сима одновременно и злилась на Галку, и ловила каждое движение, слово следователя и была первой, кого начали опрашивать.

– Как вы обнаружили труп?

– Я зашла в туалет вытереть кровь.

– Какую кровь?

– Господи, свою, конечно же! Ногу поцарапала, кровь потекла. Зашла, включила кран и увидела ноги из-под дверцы кабинки.

– Когда вы увидели тело?

– Да сразу же. Я же говорю, ноги увидела, потом дверь заскрипела и приоткрылась. Она там и лежала, красивая такая. – Сима вдруг поняла, что ее сейчас вырвет, закрыла рот рукой и бросилась к умывальнику.

– Поздняя реакция, – знающе прокомментировала Галя собравшемуся в вестибюле персоналу. – Ну, Серафима, ну учудила. Сроду здесь трупов не было.

– Да при чем тут Серафима Павловна? – вступился директор. – Ей спасибо, что мгновенно среагировала, и публика ничего не поняла.

Галя поджала губы.

– Ну вот, даже и за труп похвалили. Одним словом, любимица.

Сима тем временем вернулась и плюхнулась на стул рядом с Аванесовым.

– Простите.

– Бывает, не каждый день трупы встречаете.

– Не говорите. *Corpus*.

– Что?

– Это так тело по-латыни называется.

Аванесов с любопытством посмотрел на женщину.

– Кто только нынче в гардеробе не работает... Итак, что вы увидели?

– Красивая девушка лежала на спине, руки раскинуты. Я сразу поняла, что она мертва.

– Почему поняли?

– Не почему. Поняла и все. Интуиция. Побежала к директору. Попросила дежурную позвонить в полицию.

– Рядом с трупом вы что-нибудь заметили? Телефон, авторучку, какие-нибудь вещи. Хотя что-нибудь. Может быть, вы кого-то видели?

– Нет, никого не видела и вещей рядом тоже не наблюдала.

– Если что-то вспомните, обязательно позвоните.

Серафиму отпустили раньше смены, и она была дома уже в десять вечера, выпила чая с лимоном и уснула. Про загадочное пальто, что висело на ее гардеробной территории, она совершенно забыла.

Глава 2

«Женский клуб» из трех подруг

Бывших учительниц, как и бывших разведчиков, не бывает. Когда военный выходит на пенсию, про него почему-то говорят – в запасе, а про учителя – бывший учитель. Надо бы и педагогам присваивать звание, как у военных, – учитель в запасе, тем более таким учителям, у которых педагогический стаж зашкаливает за тридцать лет.

Их «женский клуб» тоже существовал немало, больше двадцати лет, хотя, конечно, никаким клубом не был, это они так шутливо называли свои дамские посиделки.

Женщины когда-то начинали вместе работать в одной школе. Но Серафима Павловна после года преподавания литературы и русского языка ушла на «газетные хлеба», а две ее подруги так и приросли к профессии учителя. Ася Ивановна преподавала физику, Ирина Петровна – физкультуру. Но они продолжали дружить, заходили друг к другу в гости, а кроме обсуждения школьных новостей и газетных статей Сима однажды заговорила о сокровенном – семье, детях, чувствах, эмоциях, отношениях, и как оказалось, именно разговора о задушевном им и не хватало. Дамы пытались поддержать друг друга, дать совет, проанализировать житейскую ситуацию и сделать выводы. Такие встречи Сима первая назвала «женским клубом». Так и повелось, клуб да клуб. За два десятилетия каких только «заседаний» не было. По поводу «гулящего» мужа Ирины и ее ревности. Проблемы удочерения Асей Ивановной и ее мужем Никитой девочки. Проблемы подросткового возраста Веры – дочери Серафимы. Взаимоотношений в педагогическом сообществе. Депрессии Серафимы из-за смерти мужа. Ну и так далее, и так далее.

Общение в клубе стало неотъемлемой частью их существования. Сима, например, готовилась к каждой встрече, читала литературу и уговаривала подруг на это время освободиться от уроков и контрольных работ, проверки тетрадей, олимпиад и научных конференций, секций и кружков, забыть на какое-то время о проблемах школьной дисциплины. Она освобождалась и сама, – от назойливых звонков читателей, от их неуместных вопросов, желания озадачить журналиста своими проблемами, гонки с текстами и сдачей материала, но, как оказалось, это и было смыслом и целью жития.

Серафима проснулась и открыла глаза. За окном уже настал день, она не помнила, что видела во сне, но снилось явно что-то очень жуткое. Сон был цветной, красный, словно кровь.

– Точно! Труп в туалете! Девушка убитая! Конечно, какой тут сон!

В дверь позвонили. Серафима посмотрела в глазок и увидела Ирину и Асю. Ася держала в руках коробку с тортом.

– Ой, простите, девчонки, заходите. У меня вчера на работе случилось ЧП, я чуть не проспала наш клуб. Уж не ругайте старую тетку.

– Ну, с нами под старушку-пенсионерку косить не надо, – засмеялась Ася, распаковывая торт. Ира по-хозяйски включила на кухне чайник.

– Доставай чашки, хозяйка, и рассказывай, что там у тебя на работе приключилось. Какой-нибудь пианист-виртуоз приезжает?

– Если бы! – вздохнула Сима и рассказала о том, как «отличилась» вчера на работе и обнаружила труп.

Дамы поохали, такого еще не было, чтобы трупы встречались в храмах искусств, каким был городской концертный зал.

– Ты видела девушку раньше? – спросила Ася.

– Ты как следователь Аванесов, он тоже вопросы задавал. Сомневаюсь я, очень сомневаюсь, хотя сначала что-то такое у меня мелькнуло... Но что, я не смогла понять. И вокруг

ничего странного не заметила. Только вот... – Серафима вдруг вспомнила одиноко висевшее пальто. – Подождите, мне надо разобраться с тем пальто!

– Пальто в гардеробе пропало? – в голос спросили подруги.

– Да нет же! Просто обратила внимание на одно пальто, которое я не принимала, а оно висело на «моих номерках», очень красивое вельветовое пальто. И я ведь вчера его никому не выдала!

– И-и-и? – снова спросил педагогический дуэт.

– Да понимаете, когда приехала полиция, я про него совсем забыла. А вдруг это пальто убитой девушки?

– Почему ты так решила? – подозрительно спросила Ира. – При чем тут пальто? Ты же сказала, что не знала девушку раньше, не встречала ее.

– Я сказала, что сомневаюсь, а вы меня не дослушали. Знаете, за день проходит очень много народу, я хорошо запоминаю людей, особенно если что-то случается с их верхней одеждой или утерян номерок. Недавно у куртки оторвалась вешалка, на «соплях» пришита была, я в перерыве, конечно, вешалку пришила. Мужчина куртку сдавал, его я запомнила, видный такой, с красивой сединой.

– И при чем тут седой мужик?

– Он как раз ни при чем, но его я запомнила. А девушку нет. Вот! Я, наконец, сформулировала, что мне показалось странным, – пальто совсем новое, там даже бирка сбоку не отрезана. Кто новое пальто в гардероб сдает? Завтра, если пальто еще висит, посмотрю на него внимательно.

– Закон сохранения материи еще никто не отменял, – сказала физичка Ася. Ира тем временем разливала чай по чашкам.

– Девочки, я понимаю, что Сима не каждый день трупы на работе находит, но, может, уже хватит об этом. Молодые нынче ранние, обкуриваются, нанюхиваются, валяются где попало. Полиция за это деньги получает, пусть разбирается. Ножик где? Режем торт.

Тортик удался: творожный, с черносливом и абрикосами, нежный и сочный.

– Разленились мы, раньше сами пекли и торты, и печенье, – прихлебывая чай, сожалела Ася.

Ирина замотала головой.

– Раньше тортов таких вкусных в продаже не было, вот и пекли сами, время тратили, а нынче одно удовольствие, есть, не хочу.

Ася с Ириной рассказывали школьные новости, например, что у молодой биологички, которая только пришла в школу, совсем не складывается личная жизнь. За ней начал ухаживать пожилой трудовик, других мужчин в школе не имелось, и девушка, к удивлению всего педколлектива, отвечает на его знаки внимания.

– Девчонка молодая, глупая, не знает, что он уже три раза был женат на наших учительницах и каждый раз неудачно, – сетовала Ася. – А наши дамы, в том числе бывшие жены, молчат, предпочитают не ввязываться.

– Ну и что? Пусть выходит замуж за трудовика, приобретает свой опыт, это лучше, чем быть старой девой, каких у вас половина школы. Они просто завидуют, – засмеялась Сима. – Трудовики – первые школьные женихи!

– Что ты такое говоришь, какой он жених, он старый, небось еще живого Ленина видел! – возмущалась Ася.

– Девочки, у мужчин в возрасте не только брюхо и залысины, но и умение найти подход к женщине.

– Ой, не смейся, Симочка! Откуда ты про это знаешь?

– Я – теоретик, но моя мечта – мужчина ростом метр сорок, с лысинкой, животиком и кошельком. Пусть он будет ловеласом. Они правильно обращаются с женщинами, окружают

их вниманием. Может, трудовик не способен на воспроизведение потомства, но на чувства способен. Это главное.

– Ага! Способен. Не забывай, что она молодая, а он за целый год на уроке труда даже табуретку сделать не может! Не способен он ни на что, не придумывай.

– А я читала в Интернете, что учительница из Саратова вышла замуж за миллионера!

– Вот для таких наивных это и пишут. А миллионера она где нашла? В Канны на фестиваль съездила на свою учительскую зарплату? Проблема учительского одиночества – это следствие профессии. Мы же все время оцениваем: на работе – учеников, дома – мужчину. И тем и другим ставим «двойки». В результате муж уходит к той, что попроще, парикмахерше, например, у которой он стрижется раз в месяц и которая сдувает с него пылинки! – тоном, не терпящим возражения, прочитала Ирина краткую лекцию.

Сима кивала, отвечала на реплики, но как будто слушала и не слышала, о чем говорили подруги. Она прокручивала в голове разговор со следователем Аванесовым, а перед глазами стояло то самое пальто.

Если бы Серафиме надо было сейчас написать новостную сводку для газеты, то вот прекрасный информационный повод – убийство девушки. Но где взять бэкграунд – историю вопроса? Кто эта девушка? Что она делала в концертном зале? Конечно, в качестве эксперта Сима бы пригласила Аванесова, но в реальности было по-другому, на вопросы отвечала она, как свидетель. А деталь, подсказка, на которую она не обратила внимания, – пальто?

– Надо посмотреть, на месте ли пальто, – вслух сказала Серафима.

– Ты нас совсем не слушаешь? А мы тебя как раз от трупа отвлекаем.

– Не каждый день трупы в нашем туалете лежат, да и девушка симпатичная при жизни была, и что-то знакомое в ней есть, будто я ее где-то видела.

– Ты же сказала, что ее не знаешь!

– Я сказала, что сомневаюсь. Не приставайте, не уверена я, вроде не знаю, не видела ее у нас на концертах, но что-то знакомое в лице и во всем облике проскальзывало. И от мысли этой не могу никак избавиться.

Сима проводила подруг и несколько часов маялась: то переключала каналы телевизора, то звонила дочери, то включала компьютер, то смотрела в окно, то листала свою бывшую газету, которую регулярно продолжала покупать.

Когда два года назад Сима уволилась, ей казалось, что газета перестанет выходить, потому что там нет Серафимы. Но ничего такого не произошло, газета поменяла независимость от власти на зависимость от денежного мешка, и теперь ее первая полоса, как девушка на выданье, была завлекательно глянцевою. Сима была согласна, что внешне, по дизайну, газета стала интересней, но читать ее стало невозможно. Продажная газета, как это ни странно звучит, совершенно невыгодна для читателя.

– Что же я сию! – воскликнула вдруг Серафима. – Надо срочно идти на смену и не важно, что до ее начала еще пара часов.

Что-то подсказывало ей, что не так все просто с этим стильным макинтошем. На улице осень, а девушка была одета в легкое платье, значит, пальто могло принадлежать только убитой.

– Где же я могла ее видеть?

Глава 3

Торжественный обед как признак хорошего тона

Десять лет назад

– Рита! Ритуля, домой!

– Ну, можно я еще немного погуляю?

– Домой, Риточка, домой!

Ася закрыла окно, но холодный воздух успел ворваться в комнату, прошелся по столу, даже ваза слегка покачнулась. К воскресному обеду было все готово – расстелена красивая золотистая скатерть, в кружок стояли белые с коричневым рисунком тарелки, и возле каждой, как и положено, ложка, вилка, нож. Асин муж, Никита Иванович, до сих пор путался, с какой стороны должны располагаться приборы, и каждый раз, когда видел «это» на своем домашнем столе, чертыхался. Накрахмаленные салфетки были сложены в форме колпачков и уголком касались стаканов, предназначенных для напитков. В центре стола сгруппировались солонка, перечница, горчица и бутылочки с уксусом и подсолнечным маслом. Завершала композицию хрустальная ваза с цветами.

– Ася, ты опять праздничную трапезу устроила? Что это за вилка с двумя зубцами?

– Никит, мы же договаривались, что по воскресеньям в нашей семье праздничный обед.

– Договоривались, но мне кажется, что семейный обед – это обязательно на кухне, за любимым столиком, а не здесь, в гостиной при всем параде. Салфеток-то понаставила! Даже я так сильно не обляпаюсь, не то что ребенок.

– Дочь, – поправила Ася. – Рита теперь наша дочь. Пожалуйста, будь с ней поласковой. Воскресные обеды я делаю специально праздничными, чтобы Рита запомнила, что в семье есть такая хорошая традиция – всем собираться в воскресенье за столом, разговаривать, общаться.

– Ну-ну, – скривился Никита. – Никогда так пышно не обедали. Мне кажется, что ты искусственно все это делаешь. Семья должна жить естественным образом, без напряжения.

– А что тебя напрягает?

– Я тебе уже сказал – помпезный обед, его ненатуральность. Я бы лучше спокойно щи на кухне похлебал, а сейчас чавкать нельзя, хлюпать и шваркать – тоже. Ну какое это удовольствие?

– Ты прекрасно знаешь, как я стараюсь для вас.

– А оно надо, Ася? С тех пор как Ритка у нас появилась, просто сгустки негативной энергии летают по квартире, от твоего старания, между прочим.

Ася хотела возразить, но хлопнула входная дверь, и на пороге появилась второклассница Маргарита. Ее новое пальто было испачкано в грязи, красная шапка надета набок, зато щеки пылали розовой краской, и она широко улыбалась, явно пребывая в отличном настроении.

– Риточка, ты не замерзла?

– Нет, все хорошо. Только еще так хотелось погулять. И пальто вот измазалось в чем-то, мальчишки меня толкнули.

Рита еще не знала, как называть тетеньку и дяденьку, у которых она жила. Слово «мама» как-то не выговаривалось. И Рита пока никак не называла Асю и Никиту.

– Что ты с этими мальчишками связываешься? – хлопотала Ася. – Да, пальто надо чистить. Раздевайся, доченька, будем обедать.

– Я не голодная.

– Ну как же не голодная? Промялась на улице. Папа ждет. Мой руки – и за стол. Сегодня воскресенье, а значит, у нас праздничный обед.

– А какой праздник мы отмечаем?

– Ритуля, мы каждое воскресенье так обедаем. Вся семья собирается за столом. Готовность пять минут, мы с папой ждем.

У Аси и Никиты не было детей, такое вот выпало им испытание. Они очень переживали по этому поводу, Ася лежала в различных клиниках, обследовалась, консультировалась у различных светил, но врачи не находили в ее организме никаких отклонений. Современная медицина никак не решала проблему их семьи – надежда иметь ребенка таяла с годами. Никита с головой ушел в работу, мотался по командировкам, даже в выходные брал документы домой и не выходил часами из комнаты. Ася проверяла тетрадки, готовилась к занятиям, встречались только вечером – вместе пили чай.

– Давай рванем в отпуск. Мне дают целых две недели, – вдруг сказал Никита.

– Никит. – Она обдумывала каждое слово. – Отпуск не проблема, оформлю, тем более через несколько дней каникулы в школе. Давай потратим отпуск, чтобы познакомиться с детским домом. Давай возьмем ребенка, Никит?

– Ася, ты уверена? Когда нет своего ребенка – это проблема, но когда берешь чужого – проблема вдвойне.

– Никит, я не могу больше. – Она заплакала. – Не могу ходить по больницам, умоляюще заглядывать в глаза врачей, десятки раз сдавать одни и те же анализы. Что делать, если нам такая планета выпала?

– Ася, основная нагрузка с ребенком будет на тебе. Ты хорошо подумала? Это не собачонку завести, назад не сдашь. Это пожизненно, Ася! Навсегда!

– Хорошо, хорошо, – она уткнулась в плечо мужу, – Никитка, милый мой, я хорошо подумала, и у нас будет настоящая семья, ведь жизнь без детей бессмысленна.

Детский дом, расположенный на окраине города, был переполнен, и директор, красивая дама с печальными глазами, перечислила все документы, которые необходимы для усыновления.

– Здесь много тонкостей, если будут вопросы, обращайтесь. Обязательно поможем. Рассчитывайте на наш коллектив и на отдел опеки. Мы делаем для детей многое, но заменить им полноценную семью не можем и всегда рады тем, кто решил усыновить ребенка.

– Наше решение серьезное! – Ася сияла, как начищенный пятак. Она собиралась в детский дом, как на праздник: сделала стрижку, маникюр, купила новое платье. Никита был слегка угрюм, и казалось, радости жены не разделял, но Ася этого не замечала.

– А дети у вас здоровые? – буркнул Никита.

Глаза директрисы стали еще печальней:

– Абсолютно здоровых детей у нас не бывает, у всех надломленная психика, детский дом все-таки. В большинстве от них когда-то отказались родители, и ребенок уже этим травмирован. Жизнь ребенка в детском доме, как бы мы ни старались, нельзя назвать счастливой. Как опытный педагог, скажу, что многие болезни имеют психосоматическую природу и исчезают после того, как ребенок от нас попадает в нормальную семейную обстановку. Вы хотите ребенка какого возраста? Трехлетку или постарше?

– А можно на детей посмотреть? – спросила Ася.

– Рано еще, конечно, но вы, похоже, люди серьезные. Давайте пока из окна, там старшая группа гуляет.

Детская площадка детдома была расположена рядом с детским садом. Только узкая дорожка разделяла два совсем не похожих заведения, за желтым забором играли дети, которых вечером мама и папа заберут домой, за коричневым – другие, государственные дети, а значит, нищие.

Они подошли к окну, на детской площадке копошилась пестрая стайка. Один мальчик стучал ведром по забору, остальные копались в песке и строили замок с круглыми башен-

ками, извилистыми стенами и большой лестницей. И тут Ася увидела Ритку. Девочка стояла у калитки, и было в ее маленькой фигурке столько скорби и печали, что у женщины дрогнуло сердце.

– А вот девочка стоит у забора – это кто?

– Ее зовут Маргарита. Наверное, этого ребенка я как раз брать не советую. Риту привезли к нам из дома малютки. Ее оставила в роддоме мать-студентка, побоялась, что не потянет ребенка одна. Риту уже брали в одну семью, как оказалось, временно, потом вернули назад, воспитатели еле привели ее в чувство. Больше экспериментов не надо. Очень своеобразная девочка, эмоциональная, сложная, я не советую.

– Почему девочку вернули? – спросил Никита.

– Родители оказались не готовы, такое в нашей практике бывает. Приемного отца посадили в тюрьму за кражу, приемная мать осталась одна. Кто же такое предвидит?

Ася и Никита шли из детского дома в подавленном состоянии и с чувством тревоги. Новая стрижка Аси растрепалась, но это было сейчас совсем не важно.

– Никита, давай возьмем Риту. Я ее чувствую, понимаешь.

– Ася, через окно, что ли, чувствуешь? Ты слышала, что сказала директриса? Не советует она...

– Никита! Давай возьмем Риту. Я никого не хочу, кроме Риты! – умоляла Ася.

Никита молча пожал плечами, он очень жалел жену и спорить с ней не собирался, ее слово было решающим.

Глава 4

Истории у мусорного контейнера

Из окна Серафима увидела, как следователь Аванесов идет с полным ведром к мусорному контейнеру. Она и раньше замечала этого представительного мужчину, выбрасывающего мусор, но тогда Сима не знала, что он следователь, и более того, даже представить не могла, что он будет заниматься «ее трупом». Такой шанс упускать было нельзя, и Серафима решила действовать, достала свое полупустое ведро, кинула туда коробку из-под торта и быстро спустилась по лестнице.

С мусорным ведром у женщины были особые отношения. Это все обычные люди выкидывают остатки и отбросы в пакетах. У Серафимы либо завязки у пакетов катастрофически рвались, либо в самом пакете обязательно обнаруживалась дырка. Только старое доброе ведро ее никогда не подводило, и она сделала выбор в его пользу окончательно и бесповоротно. Следователь тоже нес ведро в руках.

«Наш человек», – подумала она.

У мусорного контейнера она ловко изобразила нечаянную встречу.

– Ой, добрый вечер, Руслан, не помню вашего отчества.

– И не запомните, можно просто по фамилии, Аванесов.

– Мы, оказывается, Аванесов, живем рядом с вами, вот и контейнер мусорный у нас один на весь двор.

Следователь только мрачно кивнул в ответ и достал сигарету. Он курил очень красиво, не так просто, как делали ее знакомые. Аванесов словно исполнял древний ритуал, зажимал тоненькую никотиновую палочку в крупных губах, подносил зажигалку, которая вспыхивала огнем, делал первую затяжку и вдыхал аромат. Серафима смотрела на него, как загипнотизированная.

– Вы необыкновенно красиво курите, просто здорово!

– Чего ж здорового? Отрава сплошная.

– Да, табак губительно действует на сосуды!

– Только лекцию о вреде курения мне не читайте, пожалуйста!

Следователь закашлялся, подошел к мусорному баку и перевернул ведро, вытряхнув содержимое. Серафима не отставала.

– Все время смотрю, что вы мусор поздно выносите. У меня окна аккурат на мусорку выходят. Работаете допоздна?

– Работаем.

– Вот и вчера вы же к нам в БКЗ приезжали? Ну, помните, я труп нашла.

– Да, помню, конечно. Вы еще латынь знаете.

– Когда-то в институте проходила. Значит, помните? – Она обрадованно потрусила за ним. – Я теперь на пенсии и в гардеробе работаю. Дома скучно одной сидеть, с внуком нянчилась долго, дочери помогала.

Аванесов поморщился. Он знал такой тип теток, которые пристают с глупыми вопросами, рассказывают о себе долго и подробно, навязчиво досаждают.

– Я, между прочим, в газете работала, журналист, могу вам пригодиться!

– Спокойной ночи, соседка, – проигнорировав предложение, он откланялся и двинулся к своему подъезду, но от Симы было не так-то просто отделаться. Она не отставала, а забежала немного вперед и поднялась на ступеньку его подъезда.

– Вам что-то удалось установить? Кто эта девушка? Вы можете рассчитывать на меня, на мой опыт.

Серафима торопилась выдать, выпалить сразу как можно больше информации, но Аванесов решительно обогнул стоящую перед ним женщину и скрылся в подъезде.

– Вот какой человек, даже не дослушал!

Сима побрела назад к контейнерам, которые давно превратились в малые архитектурные формы двора, поскольку других, настоящих строений, как беседки, вазоны, фонтаны, на территории и в помине не было. Мусорки когда-то покрасили в ядовито-зеленый цвет, словно предполагали, что они заменят зеленые насаждения, поэтому видны они были издалека. В прошлом году здесь поселился бомж – кинул старую ветошь между контейнерами и устроился на ночлег. Сима сначала охнула, увидев грязные ноги и дырявую фуфайку, но потом пожалела несчастного, отдала старые вещи мужа и даже иногда приносила еду. Бомж был безобидный, тихий, на день исчезал и убирал куда-то свою кровать-ветошь, а в восемь вечера появлялся, по нему можно было часы сверять.

– У вас нет дома? А семья, дети? – однажды спросила она мужчину.

– Был дом, есть дети – дочь и сын. Оба за границей. Пока я лежал в больнице, мою комнату продали и говорят, что я сам подписал документы на сделку. Адвоката надо нанимать, я-то точно знаю, что жилье свое не продавал. Новые хозяева выкинули мои вещи. Мой дом теперь вся страна, весь город и эта мусорка тоже. Считайте, что я ваш мусор охраняю, – вежливо ответил он.

– Давайте я с вами в полицию схожу, заявление напишем. В вашем возрасте нельзя по помойкам скитаться.

– А когда можно? – усмехнулся бомж.

– В любом возрасте лучше жить дома. Вам ведь сейчас ни помыться, ни поесть нормально. Это неправильно. Сколько вам лет?

– Много, столько не живут, вот и дети мои думают, что я помер давно, а я живее всех и питаюсь, должен вам сказать, неплохо. Люди сердобольные попадают.

– А кем вы работали?

– Учителем истории в школе, да это тоже не докажешь, все документы исчезли, пока в больнице лежал.

Оставить в беде бывшего учителя Серафима никак не могла, она обратилась к участковому Андрею Денисову, парню славному и понимающему, который когда-то ходил к ней в «Школу юного журналиста» при газете, и все ему рассказала. Участкового Денисова жаловали все бабушки, они приходили к нему в любое время суток, и он слушал их, не высказывая недовольства, обходил злачные квартиры, проводил беседы. Он еще в подростковом возрасте был толковым и понимающим мальчиком.

– Андрей, человеку помочь надо.

– А документы у него есть?

– Денисов, он пенсионер, бывший учитель истории, но нет у него сейчас ничего, раз он бомж. Попробуй найти детей, жалко мужчину, морозы грянут, помрет, а я в его школу съезжу, к директору, там должны бывшему коллеге помощь оказать.

Молодой директор школы долго благодарил Серафиму и все аккуратно записал в блокнот. С местной помойки бомж исчез через неделю. Участковый отчитался, что пока старик определен в приют, документы восстанавливаются, из школы дедушку – ветерана труда навещают, детей ищут.

Другая история на мусорке случилась месяца через три после бомжа. Серафима, выбрасывая мусор, услышала писк из контейнера и потянула лежащий грязный целлофановый пакет на себя. Кто-то натужно закричал.

– О, господи, ребенок!

Сима сняла с себя пальто и укутала малыша.

– Маленький! Выкинули тебя как ненужный мусор. Что за мать у тебя такая?! Не мать, а матрешка!

Андрей Денисов после ее звонка появился через пять минут.

– Ну, Серафима Павловна, вы даете! Уже в газете не работаете, а с вами все время что-то происходит, как будто материал тут караулите.

– Здрасьте, Денисов! Я его, что ли, оставила? Я нашла! Где твое полицейское и человеческое спасибо.

– Ну, вот я и говорю, что с вами и вокруг вас все время что-то происходит, то бомжа находите, то ребенка... Спасибо.

К контейнеру прибыла целая группа: эксперты, следователи. Младенца забрала «Скорая», а Серафима, потрясенная находкой, долго давала показания и дома оказалась только через несколько часов. Этот случай наделал в городе много шума, расследование взял под личный контроль уполномоченный по правам человека. Как позже оказалось, женщину, оставившую малыша, нашли. Она долго каялась, плакала и рассказывала про тяжелую жизненную ситуацию.

– Может, ей помочь надо. Откуда она? – спросила Серафима Павловна у участкового Андрея при встрече. Сожалея, что не может осветить эту историю в газете.

– У нее родители были против ребенка, выставили ее, вот и получилось, что получилось. Теперь бабушки и дедушки в шоке, все отыграли назад. Клянутся, что примут и дочь, и внука. Но отдадут ли ребенка такой матери, теперь будет решать суд.

Сима вспоминала эти «мусорные истории», добавляя последнюю, с трупом в туалете. Оказывается, расследованием убийства девушки занимается человек, который живет рядом и выносит сюда свой мусор, и, как ни крути, получалось, что мусорный контейнер задействован во всем происходящем.

Аванесов тем временем жарил яичницу на ужин. Сейчас готовить себе пищу было для него делом привычным. Жена Нелли ушла в мир иной пять лет назад, раньше она всегда заботилась о Русике: рано вставала, чтобы приготовить ему завтрак, и ложилась поздно, потому что с его работой было непонятно, придет ли он на ужин вообще.

В пятом классе их посадили за одну парту – серьезную отличницу Нелли и озорного армянина Руслана. Он приносил ей из дома халву, на уроке они отщипывали от сладости понемногу и клали в рот. Нежная масса рассыпалась и таяла во рту, вязла в зубах, и потом очень хотелось пить. Учительница однажды разглядела сладкие и липкие следы на парте и красной ручкой записала обоим в дневнике: «Ели халву на уроке».

Руслан не расстроился, таких замечаний у него в дневнике было хоть пруд пруди, да еще посерьезней. «Плевал на товарища! Не работал!» «Вертелся все 45 минут!». «Мяукал на уроке» и даже «Поджег кабинет!».

А вот у Нелли это было первое в жизни замечание в дневнике. Она расстроилась так, что даже поникли белые ленточки на косичках. По просьбе родителей детей рассадили, но Руслан с тех пор всегда оберегал и защищал Нелли со словами – она за меня пострадала.

Нелли и Руслан поженились, когда окончили институт, он – юридический, она – политехнический, потом родилась дочка Лиза. Нелли посвятила себя семье, она, конечно, работала в одной структуре инженером, но профессию свою не любила, «не горела на работе», зато Аванесов «вкалывал» за двоих, за десятерых.

Работа следователя очень сложная и требовала не только знаний юриспруденции, но эрудиции, гибкости мышления. У Руслана не было праздников и выходных, длинных домашних вечеров, а только «усиления», поездки в сизо, горящие сроки дел, общение с нервными потерпевшими и молчавшими трупами. Руслан хорошо знал, что дома его любят и ждут, там всегда чисто и уютно, можно вкусно поесть, дочка успевает заниматься в художественной школе, и все это его Нелли, любимый Нельчонок. Его жена умерла внезапно, тихо, как и жила, никого

не беспокоя. Вечером Руслан пришел с работы и увидел ее, спокойно лежавшую на диване, казалось, что она просто спала.

– Неужели она никогда не жаловалась на сердце? Удивительно терпеливая женщина, – сказал врач, констатируя смерть.

Дочь Лизонька к этому времени вышла замуж и уехала из города, а он до остервенения вгрызался в работу, чтобы смягчить боль потери, которая занозой сидела в сердце, жгла и не давала покоя. Выслугу лет в полиции он заработал, и можно было, конечно, сидеть на зава-линке, но его уговорили поработать еще год, потом еще год и снова год. Аванесов был этому рад.

Желтоглазая яичница брызнула горячим маслом, зашипела, подавая все признаки того, что она готова. Руслан поставил горячую сковородку прямо на стол и начал есть, обжигаясь и глотая большие куски. Пытаясь подавить раздражение. Только вот журналистки ему рядом не хватало! Разнесет, растрезвонит в округе, что надо и не надо.

Глава 5

Таинственный чек на коньяк и конфеты

– Гармошка-хромка играет в двух тональностях! Гриф должен упираться в правое бедро! – Сима услышала, как начались занятия в музыкальной студии, что находилась при концертном зале.

Она подошла к массивной двери и заглянула в щелочку.

– Посадка должна быть удобной, работает большой палец правой руки, – терпеливо объяснял учитель музыки. – Думай сам, не жди, что я покажу, на какую кнопку нажимать.

У Серафимы не было музыкального образования, но она всю жизнь завидовала тем, кто умеет играть на инструментах, хотя творческого начала в журналистике ей хватало. Никто никогда не устанавливал, что общего между музыкой и журналистикой, а вот бывший газетчик Серафима, работая гардеробщицей, эту связь выявила. Ей самой было очень важно, потому что первое время она чувствовала себя потерянной в большом храме искусства, здесь никто не собирал привычные традиционные шумные планерки и ничего не знал о том, что такое макет и верстка газеты.

– Журналистика обеспечивает взаимодействие между личностью и обществом в целом и даже между поколениями. Ведь журналист берется за перо, когда есть необходимость творчества, самовыражения, в гармонии рождая новые духовные ценности. Это как зеркало души. А музыка способна проникать в субстанцию души, поддерживая ее баланс, воодушевляя, вдохновляя. Она дает гармонию человека с самим собой, с окружающим миром, помогает человеку проявить свои эмоции и чувства. Журналистика и музыка меняют мир к лучшему, как внутренний, так и вокруг нас, – объяснила себе пенсионерка Серафима.

И когда она сделала для себя такое открытие, то вдруг перестала чувствовать себя в концертном зале инородным телом.

Сима любила наблюдать, как идут занятия в музыкальных классах детской студии, но сегодня пришла на работу совсем за другим. Она подошла к гардеробу и даже зажмурилась, потом ущипнула себя, не веря в удачу. Вельветовое пальто висело на месте, там же, где и вчера.

«Как это его никто не заметил из персонала? – но вспомнив, какой суетный был вчера день, вздохнула. – Не до пальто было. Значит, оно дожидалось меня».

Серафима огляделась по сторонам и сунула руки в карманы чужой вещи, в одном из карманов обнаружился чек из магазина.

«Конфеты, коньяк», – прочитала она и посмотрела сумму – больше двух тысяч рублей. Чек был из соседнего большого универсама. Сима разглядела и новую бирку, почему-то не оторванную от одежды. Этикетку она не тронула, только посмотрела и запомнила, а вот чек забрала с собой.

В коридоре, окруженная уборщицами, стояла Галя. Сима заглянула ей за плечо и увидела, что демонстрируются фотографии вчерашнего труп. Уборщицы цокали языком и разглядывали девушку.

– Молодая, лет двадцать. Красивая!

– Ты когда успела фото сделать? – удивилась Серафима.

– Пока ты к директору бегала. Щелкнула на телефон.

– Оперативно сработано. Надеюсь, со мной поделишься? Труп-то я нашла.

– Ага, давай еще труп делить! Ты нашла, не спорю, а вот фотографии только у меня, – начала было Галя, но заметив, как Серафима нахмурилась, проговорила: – Ладно скину, не проблема.

Получив фото на телефон, Сима решила действовать и побежала в соседний универсам, сразу увидев в торговом зале того, кто ей был нужен.

– Леночка, здравствуй!

Заведующая продуктовым отделом Елена Сергеевна стояла около молочной продукции и придирчиво разглядывала ценники.

– Здрасьте, Серафима Павловна! Вы к нам на акцию?

– Лена, какая акция?!

– Сегодня по акции идут шпроты. Покупаете одну банку, вторая бесплатно.

– Лена! Я совершенно по другому вопросу. – Она одернула Лену Дементьеву, которая когда-то очень хотела стать журналистом и буквально дневала и ночевала в газете, вела колонку юнкора и подавала надежды. Но на журфак Лена не поступила и пошла работать продавцом в магазин, мечта о журналистике растаяла, столкнувшись с реальностью бытия.

– Ой, Серафима Пална, извините, у нас все за шпротами идут, я думала, что вы тоже. Какой у вас вопрос? Чем могу помочь?

Сима достала чек и буквально сунула под нос Лене.

– Это ведь чек из вашего магазина?

– Вроде да.

– Дементьева, вроде да это не значит, что да. Подумай и четко скажи, чек ваш или нет?

– Наш, точно наш, Серафима Павловна!

– Найди мне, пожалуйста, девушку, что вчера работала на этой кассе, мне с ней поговорить надо. Очень.

Лена Дементьева кивнула и исчезла в подсобке, а Серафима вдруг вспомнила, что именно в эту девочку был влюблен нынешний участковый Андрей Денисов. На занятиях «Школы юного журналиста» он совсем не слушал материал, а смотрел на Лену пронзительно-влюбленно и тоскливо. Девочка словно лишала его воли, подсмеивалась над поклонником, а он сносил это молча и только вздыхал. Ася, которая была Ленкиной классной руководительницей, недавно рассказывала, что Ленка выскочила замуж за какого-то крутого бизнесмена, потом развелась, одна воспитывала ребенка. А участковый Андрей до сих пор ходил в холостяках, это Сима знала совершенно точно.

– Сломала парню жизнь и свою не устроила, – пожалела Лену Серафима.

– Вот! Она работала на кассе, – Ленка подталкивала к ней рыженькую худышку. – Поговори с Серафимой Павловной, пожалуйста, она зря спрашивать ничего не будет.

Сима тут же «пошла в наступление».

– Скажи, пожалуйста, ты не запомнила, кто вчера в восемнадцать часов покупал дорогой коньяк и конфеты?

Лицо рыженькой удивленно вытянулось и было напряжено.

– Дорогой коньяк у нас не каждый день покупают. Какая марка? В чеке все пробивается.

– Коньяк Реми Мартан, – прочитала Серафима.

– Реми Мартан? – рыженькая задумалась. – Да, помню, мужчина в возрасте, лет шестидесяти, может, и старше, уже лысоватый. Вчера больше этот коньяк никто не покупал. Да, точно, этот мужик! Конфеты еще в коробке брал, сдачу с пяти тысяч пришлось искать, вот, – она выдохнула.

– Точно наличкой рассчитывался? – с надеждой спросила Серафима. – По карточке мы бы его сразу нашли.

– Точно, наличкой, – виновато сказала рыженькая.

– А что еще ты запомнила?

– Раньше я его не видела, то есть он не из постоянных покупателей, не запомнился мне. Спешил, – она закатила глаза, – деньги доставал из черного кошелька, такого с узорами, денег

в кошельке было много, толстые пачки. Пальто дорогое, хороший парфюм. Женат, кольцо на правой руке.

– Что-нибудь еще особенное было? По кольцам и деньгам мы никого не найдем.

– Ничего такого, я ведь в первую очередь на товар купленный смотрю.

– Ну, спасибо тебе большое, ты очень помогла. Лена, тебе тоже спасибо.

– Обращайтесь. – Лена улыбнулась.

– Как ты живешь, Дементьева?

– Нормально, как все – дом, работа, ребенок.

– Андрей Денисов до сих пор не женат, учти, Лена. – Серафима строго посмотрела на своего бывшего юнкора. Дементьева вспыхнула и демонстративно отвернулась.

– Извините, мне работать надо, – и пошла опять смотреть на ценники.

– Молодежь, не цените вы отношений, – ворчала Сима, возвращаясь из универсама.

В коридоре ее уже ждала Галя и сразу же сообщила:

– Опять следователь приходил, в каждый угол заглядывал. Пальто забрали, оно ведь со вчерашнего дня висит. Петр Петрович в полицию позвонил, когда я ему про пальто сказала. А ты все пропустила, с управления культуры тоже тут ходили.

Серафима только махнула рукой. История с таинственным чеком тревожила душу и жгла воображение. Красивое, почти романтическое начало – коньяк, конфеты – закончилось убийством? Ревность? Мсть? Она отказала ему?

«Вот бы статья в газету получилась». – Сима даже варианты названий придумала: «Ужасающая тайна БКЗ». «Убитая блондинка». Конечно, не шедевры, но звучит броско, загадочно и вызовет интерес у читателей. Название статьи, как крючок, должно цеплять, вызывая желание проглотить в один присест, не разжевывая, приготовленное журналистское блюдо.

«Стоп! Стоп! – приказала она себе. – Слово «газета» исключается из твоего лексикона, Симочка. Нету такого слова для тебя. Архаизм. Зачем ты влезаешь в эту историю? Зачем тебе нужна информация, без которой ты ощущаешь себя, как без кислорода?»

Ответ нашелся сам собой – она хочет найти убийцу, ну а статья сочиняется по привычке, материал-то эксклюзивный, а там будет видно, что с ним делать. Может, Серафима Новикова станет корреспондентом какого-нибудь центрального издания?

Значит, сейчас необходимо увидеться с Аванесовым. Когда он в следующий раз пойдет выносить мусор, Серафима должна оказаться рядом в то же время в том же месте, а там она сделает все, как нужно.

Глава 6

Ревность как двигатель отношений

Десять лет назад

Ирина слышала, как он в душе говорил по телефону. Струйки воды сильно шумели, и до нее доносились только бубнящие звуки, слов разобрать невозможно, но напряженность в его голосе она чувствовала. Ира очень хотела знать, с кем и о чем говорит ее благоверный. Но, кроме мычания и гудения, она пока ничего не услышала.

– Мама, завтракать будем?

– Конечно, дети, конечно! – Она буквально оторвала себя от двери душевой и пошла на кухню.

– Каша гречневая, чай, сыр! – Ира разложила по тарелкам рассыпчатую кашу и налила себе и детям чай с лимоном.

Дома у педагога-физкультурника Ирины Петровны лимон был главным оздоровительным средством, во-первых, он увеличивал энергетические запасы организма, во-вторых, был основным поставщиком витамина С, а в-третьих, в их семье все болезни лечили лимоном. Это хорошо знали ее мальчики и уже привыкли к постоянному употреблению солнечного фрукта.

Сыновья двух людей, окончивших вуз по специальности «физическая культура», обречены заниматься спортом с малолетнего возраста. Ирина с мужем Владимиром долго обсуждали, в какие спортивные секции пойдут их мальчики до школы, потому что к первому классу их организм должен окрепнуть, чтобы выдержать такие серьезные нагрузки, как тяжелый ранец и длительное неподвижное сидение за партой. Старшего, Василия, записали в плавание, а маленький Костя попросился в борьбу. Утро семейство начинало с зарядки и закаливания, все, как и полагалось при формировании здорового образа жизни.

Ирина и Владимир не были только теоретиками. После окончания института Ира неожиданно для себя с интересом окунулась в педагогическую деятельность и преподавала физкультуру в школе, а Володя, наоборот, стал организатором и недавно перешел на работу в администрацию, в отдел спорта. Но Иринин муж обладал одним существенным недостатком для мужчины – он был слишком красив: русые вьющиеся волосы, большие голубые глаза, атлетическая фигура. Кроме того, он имел покладистый характер – понимающий, добрый, обходительный, словом, мужчина-мечта. Все подружки Ирочки в институте не скрывали зависти, а встречающие девушки замирали от восторга, когда видели их вместе.

– Ну, Ирка, отхватила красавца! – говорила одна подруга. – Теперь тебе нужно держать себя в форме.

– Он слишком красивый, уведут! – вздыхала мама.

В общем, все постоянно напоминали, что ей несказанно повезло. Ирочка и сама панически боялась, что ее красавчик найдет кого-то поинтересней, ведь она внешне ничем особым не выделялась: курносый нос, среднестатистические карие глаза, невысокий рост, а волосы как пушок, светлые и невыразительные. После замужества и рождения сыновей эта боязнь переросла в фобию. Владимир утверждал, что полюбил Ирочку за уживчивый характер, милый нрав и другие не менее хорошие человеческие качества, шутил и подсмеивался над ее ревностью.

– Ну, что ты, лапуля. – Он всех женщин называл одинаково, «лапулями». – Куда же я от тебя денусь.

Однако страх потерять мужа, опору семьи, отца сыновей, боязнь одиночества просто съедали Ирину изо дня в день. На их домашний телефон кто-то постоянно звонил, молча дышал и кидал трубку, когда отвечала она, и Ирина знала, чувствовала, что это женщина.

– Девчонки! Ну скажите, как мне быть?! – плакала она на одном из заседаний «женского клуба». – Посоветуйте!

– Перестань об этом думать. Разведись, нет мужа, нет проблемы, в смысле не будешь бояться, что он уйдет. – Сима была категорична.

– Ну что ты говоришь, Сима! У них семья, дети! Какой развод? Ей надо успокоиться! У тебя есть доказательства его измены? – сочувствовала Ася.

– Ничего у меня нет. Но мне кажется, что я однажды проснусь, а он ушел. Я знаю, знаю, что так и будет, – всхлипывала Ирина.

– Ирка, самой не смешно? С чего такая зависимость? Пацаны уже большие, а у тебя постоянная бабская истерика, бабский психоз, себя извела, его извела, – злилась Сима. – Подумаешь, в телефон кто-то дышит. Нам тоже иногда звонят и трубку кидают. Ты, наверное, Володю достала своими упреками и неоправданными страхами! Оплот семьи, называется. Где ты столько слез берешь, в организме столько жидкости нет?

– Вот скажи, Сима, почему даже в природе самцы красивее самок? А у людей наоборот, самки наряжаются, чтобы самцов завлечь! Сколько времени уходит на то, чтобы достать яркие тряпки и косметику.

– В животном мире самки выбирают самцов, поэтому самец и ярче, чтобы самка его выбрала из конкурентов. Не закимливайся ты на своем самце, я тебя умоляю, займись собой, хотя ты и так из парикмахерской не вылезашь и на ногтях у тебя всегда маникюр.

– Маникюр учителю физкультуры мешает, я с ним как обезьяна во фраке, – огрызнулась Ира.

Ирина продолжала ревновать мужа, и эта ревность держала ее в форме, как держит в форме физическая подготовка спортсмена. Она всегда была сконцентрированной и не расслаблялась, словно каждый час ждала удара, и это вечное напряжение ее очень тяготило. Ира четко понимала, что Володя не оставит мальчиков без отца, но знать, что у него есть женщина, было невыносимо. Ответа на вопрос – почему «знала», не было, но знала и точка. Женская интуиция, как и женская логика, необъяснимы.

В тот злополучный день у Ирины шел последний урок. Ученики выполняли упражнения на турнике, канате и кольцах. На самом деле, чтобы залезть на канат, нужно постараться. Ирина наблюдала, как одни девочки сгибают ноги и перехватывают канат руками, другие двигаются, как гусеницы. Обе техники лазания по канату правильные, но канат легче покорить, если ноги выпрямить.

– Оля! – закричала она. – Ноги выпрямляй, как я показывала, тогда и залезешь.

Увлеченная уроком, она не заметила, как в спортивный зал зашли несколько человек во главе с завучем.

– Ирина Петровна, тут комиссия подошла, смотрит в школах состояние спортивных залов.

– Да какое у нас состояние! Ремонта просит состояние! Оборудования хорошего!

– Ну, ваш зал не хуже, чем в других школах, – надменно произнесла красивая брюнетка. – Хотя ремонт нужно делать, не спорю.

Брюнетка выделялась из всей комиссии не только яркой помадой, она была вся с головы до ног холеная, ухоженная, хорошо одетая. На ее руке бросалось в глаза кольцо с огромным рубином. Брюнетка по-хозяйски прошла по спортзалу и смерила Ирину холодным взглядом с головы до ног.

Ира на секунду оцепенела, – сигнал пошел из сердца, какое-то шестое чувство, болезненный эмоциональный взрыв, внутренняя сирена, все подсказывало ей – она! Это она звонит по телефону и молчит. Она пытается отобрать у меня мужа. Ее страхи, тревоги, худшие опасения в одно мгновение материализовались в кошмар под названием «Холеная брюнетка».

Ира присела на лавку, ее бил озноб, и вдруг она поняла, что разорвет лживый круг здесь и сейчас, несмотря на ядовитые взгляды дамочки-разлучницы.

– Вы специально пришли на меня посмотреть? – с вызовом спросила Ирина брюнетку.

Дамочка даже не покраснела.

– Да, пришла специально на тебя посмотреть! – в ее ответе был вызов и наглая уверенность.

– Посмотрели?

– Посмотрела, сплошное разочарование. – Соперница медленно развернулась и вышла из спортивного зала. Члены комиссии побрели за ней, так ничего и не поняв.

Ирина неожиданно почувствовала сильное облегчение.

– Ну, теперь никто не будет считать меня сумасшедшей. Унижать себя я не позволю! – и упала в обморок.

Глава 7

К чему приводят встречи у мусорного контейнера

Сима прилипла к окошку, ей нужно обязательно увидаться со следователем, ведро с мусором стояло наготове, у самой двери. Около мусорного контейнера с высоты ее пятого этажа наблюдались только черные, как монашки, галки.

– Эти голодными никогда не останутся.

Звонкие крики галок «кау-кау» ей слышны не были, но то, что птицы раскрывали широко клювы, она видела. А может, Аванесов мусор за это время не набрал? Может быть, он копит мусор долго? Так тоже бывает. Раз в неделю выходит к контейнеру, не раньше. Это что же, ей неделю у окна стоять?

Сима задумалась, идти к следователю домой было бы верхом неприличия. Но ведь если журналисту нужна информация, он начинает придумывать способы ее добыть, и тогда визит к человеку, с которым нужно обменяться сообщениями для последующих действий, совершенно оправдан.

Она поймала себя на мысли, что слова «газета», «информация», «статья», откликаются в ее душе без болевых ощущений, наоборот, приливами чего-то волнующего. Поэтому она будет действовать.

Итак, вначале крамольная мысль заявиться к Аванесову домой показалась ей абсурдной, но спустя какое-то время – вполне приемлемой и интересной. Сима успокаивала себя тем, что у нее нет к следователю «дамских притязаний», а значит, встреча только деловая и подобная инициатива вполне оправданна.

В ее журналистской практике были запутанные истории, в которые Серафима вникала, расследовала, находила выход и писала об этом. Взять, например, выселение пенсионерки Катасоновой, что неделю жила сначала в редакции, а потом у Симы, потому что идти бабушке было некуда. Внук продал квартиру вместе с ней, обманным путем выписав бабулю, и когда приехали «молодцы» и вытащили вещи пожилой женщины прямо на улицу, Катасонова пришла в редакцию газеты и обрела защитницу в лице Серафимы Павловны.

Статья, написанная Симой в номер, наделала столько шума в городе, что мэр с начальником полиции на следующий день появились в редакции лично. Квартиру бабушке Катасоновой, под всеобщее ликование читателей, вернули.

Нынче защищать больше некого, Сима сейчас «вольный стрелок», свободная от газетных обязательств и сроков, и ее главная территория – это гардероб. Интересно, мальчик Цепляйло довел революцию в газете до конца? Хотя любая революция – это сначала отрицание всего и вся. Вон, например, французы замахнулись даже на календарь и придумали новые названия месяцам, а в газете всего-то отправили на заслуженный отдых сотрудницу.

Сейчас она чувствовала, что «руки чешутся», так хотелось написать. Так хотелось, что она подключилась к расследованию убийства, хотя об этом никто не просил, а наоборот. Сима соскучилась по работе, по текстам, по людям, по событиям. Впору было расплакаться. Ей рано на запасной аэродром, она еще полетает, потому что... Потому что она будет выпускать свою газету!

Серафима Павловна замерла. Мысль показалась ей сумасшедшей. Прошла минута, другая, но «безумие» не проходило, а наоборот, обрастало реальными чертами, идеями. А почему нет? Куда же она денет свою готовящуюся статью? Сегодня же вечером Сима накидает план, определится, сколько денег потребуется на издание и главное – кто будет у нее работать. А как сделать газету интересной, уж Серафима Павловна знает лучше других. И первый материал у

нее почти «в кармане»: история о трупe в туалетной комнате БКЗ, а статью она, в общем-то, уже и начала писать. У нее есть чутье на материалы, интуиция, она знает, в каком направлении нужно двигаться, как рыба, которая плывет на нерест, как птица, предчувствующая погоду.

Жаль, что Аванесов ничего не знает о таких замечательных качествах Симы.

– Как его убедить, что я могу быть полезной?

Решено, она немедленно пойдет к нему. Сима чуть прихорошилась. Не пугать же человека! Подкрасила губы и напудрила лицо. Она всегда старалась хорошо выглядеть: закрашивала седину, подводила глаза и брови. Кстати, брови в юности ею аккуратно выщипывались, так много там было лишних жестких черных волосков, которые куда-то исчезли со временем, и теперь место бровей еле угадывалось, поэтому всегда обозначалось карандашом. Серафима надела новое пальто с названием «на выход» и была абсолютно готова к визиту.

Ей сразу повезло, потому что старушки на улице подсказали не только нужную квартиру, но и проинформировали, что ее обитатель отправился в ближайшую палатку за хлебом. Около палатки Сима оказалась через пять минут, но Аванесова там не было, она опять вернулась к подъезду, и словоохотливые старушки сообщили: он дома, мусор собранся выносить.

Серафима, чертыхаясь, побежала домой за ведром и как раз успела, Аванесов шел ей навстречу.

– Ой, здравствуйте ...э-э-э-э... Аванесов, – обрадовалась она.

– Здравствуй, свидетельница, – буркнул он.

– Я ведь вас поджидаю.

– Очень интересно! Хотите показания изменить?

– Не хочу я ничего менять. Могли бы с женщиной в возрасте быть повежливей, – язвительно сказала Сима.

– Ну, вот про возраст не будем. Вы старше меня, – Руслан мысленно вспомнил протокол, – всего на семь лет.

– Зачем еще раз напоминать мне, что я пенсионерка?

– Вы что-то хотели сообщить, свидетельница? – он решительно переменял тему возраста. Все женщины на эту тему реагируют неадекватно.

– Хотела, хочу дополнить, вот! – И жестом фокусника вытащила из своего пальто найденный чек.

– Что вот? – Аванесов начал злиться. – Что вы, свидетельница, загадками мне тут говорите! Что это?

– Это чек, я нашла его в кармане пальто убитой девушки, что висело на моих номерках в гардеробе.

– То есть вы умыкнули вещдок с места преступления? А еще говорили мне, что журналистка! Вы похожи на человека, нечистого на руку.

– Да, я в газете работала! Да что вы такой непонятливый?! Ничего я не умыкала! Вы же меня сами спрашивали, не видела ли я чего, вот я и обнаружила новое. Давайте так, – Сима сделала паузу, – мусор вы вынесли, сейчас пойдете ужинать, так? Я, как соседка, приглашаю вас поужинать, заодно расскажу, что мне удалось узнать. Хочу помочь следствию. Вы котлеты любите?

– Что вы меня все время путаете? При чем тут котлеты?

– Я вас угощу котлетами, очень вкусными. Соглашайтесь.

Аванесов вдруг представил забытый неповторимый вкус котлет, их так замечательно умела готовить его жена. Руслан любил ее котлеты, как в горячем, так и в холодном виде, и мог проглотить сразу пяток нежных и ароматных мясных шариков.

– Котлеты буду, – неожиданно для себя произнес он. – Черт с вами! Давайте ваши котлеты!

Сима очень обрадовалась, что все складывалось пока в ее пользу. Следовательно она нашла и сейчас расскажет все, что знает, а он в благодарность должен с ней поделиться версиями или хотя бы дать подсказку.

– Я одна, муж умер, болел после Чернобыля. Дочь с семейством живет неподалеку, с внуком помогаю, – начала она светскую беседу.

– Вы мне про внука уже говорили, – нетактично перебил Аванесов. – А можно мусорное ведро домой занести?

– Нельзя, вдруг вы передумаете.

В ее квартире царил идеальная чистота, Аванесов даже удивился.

– У вас совсем нет пыли! Стерильная чистота!

– Это у меня пунктик такой. Чищу, мою, потому что боюсь бактерий, они снижают крепость иммунитета.

– У вас тут бактериям жить негде, – заметил гость.

– Негде, – гордо сказала Серафима.

– И что вы, каждый день убираетесь?

– Главное – это не уборка, а поддержание чистоты, вот это сложно.

– У вас получается.

Он плюхнулся на стул и огляделся по сторонам. Кухня – лицо хозяйки – тоже сияла чистотой, на заварном чайнике сидела роскошная вязаная матрешка в красном сарафане.

– Угощайтесь. – Серафима поставила на стол тарелку с вермишелью и двумя зажаристыми котлетками с коричневыми бочками. – Ешьте, не стесняйтесь, а я буду рассказывать.

Аванесов несколько минут разглядывал тарелку, словно видел еду впервые, потом жадно откусил и сказал набитым ртом: «сасказывайте».

Серафима тараторила все, что знала: про чек, про магазин, про рыженькую продавщицу и мужчину, который покупал в тот вечер коньяк и конфеты. Она невольно отметила, что ест Аванесов, как и курит, красиво. Он сидел прямо, одновременно держал спину, ноги, руки, локти, словно демонстрировал образец столового этикета.

– Да, задали вы мне задачку! Как мне этот чек теперь предъявить, самодеятельность сплошная.

– Я думала, что вы спасибо мне скажете.

– За котлеты – спасибо, я ничего не готовлю круче и шикарней яичницы. Котлеты обалденные. Замечательные котлеты. Что же касается ваших, мягко говоря, несанкционированных действий... У меня нет слов!

– Серафима Павловна меня звать, – подсказала она.

– Собирайтесь, Серафима Павловна!

– Это куда?

– Это вместе со мной идем в универсам, показываете мне вашу рыженькую продавщицу, а завтра прошу ко мне в отдел, запишу ваши показания, не на вашей же кухне протокол составлять.

Сима обиделась, вместо того чтобы рассыпаться в благодарности, он еще остался недоволен.

– Собирайтесь, собирайтесь, вы теперь ценный свидетель, которого я сопровождаю. За котлеты еще раз спасибо!

– Я сейчас, пять минут подождите.

Сима юркнула в спальню, чтобы не только посмотреть на себя в зеркало, но и поправить помаду. Она идет в общественное место с интересным мужчиной и должна хорошо выглядеть. Сима вдруг вспомнила поговорку – «путь к сердцу мужчины лежит через его желудок».

– Боже мой, какой штамп! И зачем мне его сердце?

Но то, что он похвалил ее кулинарные способности, было очень приятно.

И вообще хороший выдался сегодня день! Главное, что Серафиму посетила замечательная мысль – издавать свою газету, и она это осуществит.

Глава 8

Трудности подросткового периода

Девять лет назад

«Рита опять без разрешения приводила гостей и будет врать, что никого у нас не было», – Ася сразу увидела следы пребывания посторонних в своей квартире. Следы были похожи на те, что оставили собачки из мультика «Бобик в гостях у Барбоса»: разбитая чашка, грязные отпечатки обуви в коридоре и смятая постель. Ася вздохнула. Опять придется долго и основательно объяснять, почему гостей нужно приводить только с согласия родителей и не позволять им так безобразно себя вести.

– Ритуля, ты дома? – громко спросила Ася.

– Здесь я! Сегодня ко мне девочки из детского дома в гости приходили, чаем их угощала, – сразу призналась она.

– Мы же с тобой договаривались, что гостей ты зовешь только тогда, когда я разрешаю. Вот скажи, зачем вы на постели валялись?

– Да это девчонки фотографировались! Красиво получилось, как на гламурной тусовке.

– Ну, во-первых, лежать на чужих постелях неприлично, а во-вторых, можно было за собой прибрать? Так почему ты меня не предупредила, что хочешь позвать гостей?

– Ну чем ты опять недовольна? Почему мне нельзя подружек позвать? Почему я все делаю не так? Ну не успела прибрать! Или тебе чаю жалко? Таким, как ты, в детдоме «темную устраивали», – в ее голосе было раздражение.

– Не жалко мне чаю! Рита, ты как будто меня не слышишь и злишься! Мы с тобой договорились, а ты опять все делаешь по-своему, так нельзя. Взрослых надо слушать! Я не против прихода девочек, только надо у меня разрешения спросить, и привыкай за собой убирать, наконец.

Ася сильно расстроилась, ее жизнь теперь часто напоминала хождение с водой в решете, бессмысленное повторение бесполезных действий. Она очень старалась стать хорошей матерью и воспитать дочь так, чтобы на нее не давило негативное прошлое, дать ей теплый и уютный дом, вкусную еду, красивую одежду и, самое главное, окружить девочку теплом и заботой. Рита эту родительскую любовь принимать совсем не спешила, более того, отторгала. В ее детской душе было намешано как в компоте, каждой ягодки по паре. С одной стороны, она была благодарна приемным родителям, что они забрали ее из детского дома, с другой, они постоянно ее возмущали, потому что «заставляли, как паровозик, ездить только по прямым рельсам и никуда не сворачивать». А Рита еще с детского дома любила свободу действий, и ей совсем не нравилось, что ей постоянно указывают.

Особенно старается Аська – так про себя Рита называла свою приемную мать. Никиту еще можно терпеть, он особо к ней не лезет со слюнявым «доченька», а вот Аська залюбила до одурения и отвращения.

Рита много чему научилась в детском доме: постоять за себя и друзей, драться на кулаках, пришивать пуговицы и спать в ночной рубашке, наконец, но как любить близких людей, она не знала. Как бы ни старались самые лучшие воспитатели детского дома заменить родителей, рано или поздно каждый ребенок задавался вопросом – почему именно меня бросили? И бывало, что всю свою жизнь искал ответ на этот вопрос.

Однажды Риту уже брали в семью, где были мама и папа, невероятно красивые, к ним она сразу же прикипела. Та мама, по имени Алла, давала мерить бусы, брать взрослую сумку и красить губы помадой. Вечером Марго, а Алла звала ее именно так, разрешалось надевать

туфли на каблучках, заматываться во взрослое платье или юбку, красить щеки и губы и так выходить к гостям, которые бывали у них почти каждый вечер. Гости смеялись.

– А ну, повернись, Маргоша! Хороша! А бусы-то, бусы, прямо под зеленые глаза! – кричали подвыпившие дяди и тети и совали ей конфеты во все карманы. Конфеты были очень сладкие, руки становились липкими, но она по детдомовской привычке набирала полные руки и прятала все сладости в своей тумбочке.

Марго кривлялась, как могла, называя вихляющие движения танцами, стучала каблучками взрослых красивых туфель, и ей очень нравилось и это веселье за шумным столом, и то, что она была постоянно в центре внимания. Ее мама и папа трудились в «бизнесе» – «торговали шмотками», так говорили гости, а Маргоше очень нравилось слушать, что болтали взрослые. Новая одежда в пакетах лежала в каждом углу их квартиры, ее относили в «точки» на «реализацию» и приносили деньги, которые пересчитывали прямо на кухне. Приемные родители громко обсуждали, что будут покупать, и выходило, что у Марго с каждой полочки был подарок. Когда папа был добрый, Марго тоже перепадали одна или две бумажки, у нее даже был свой кошелек, подаренный мамой Аллой, куда она бережно складывала наличные. Ей нравилось держать в руках деньги, она вдыхала их запах, и девочке казалось, это был аромат богатства, а богатство – это когда много шмоток, как у мамы Аллы.

Из взрослых разговоров Марго узнала, что взяли ее потому, что «Алка в молодости делала аборты и детей у них быть не может, пожалели сиротку, а что из нее получится, еще непонятно». Марго мечтала походить на маму Аллу, быть такой же красивой, веселой, нарядной и всегда улыбающейся. Но однажды за столом кто-то сказал, что «Алка попала на бабки», потом папу Колю посадили в тюрьму и компании перестали собираться по вечерам, а Рита через месяц снова оказалась в детском доме. Мама Алла при этом ничего не придумывала, да, впрочем, она, наверное, ничего не знала про то, как нужно беречь детскую психику.

– У меня сейчас тяжелые времена, Колю посадили в тюрьму, а мне надо отдавать долг. Ты должна вернуться в детский дом, у меня просто нет денег даже на еду.

– А ты меня забереешь назад, когда деньги будут?

– Нет, Маргарита, ты будешь жить в детском доме, так будет для всех лучше.

Воспитатели пытались привести Риту в чувство, но в девочку будто вселился чертенок, все ее переживания выплеснулись наружу в виде агрессии ко всему, что ее окружало. Она решила, что любить, привязываться ни к кому нельзя, потому что все взрослые обманщики и предатели. Через полгода она познакомилась с Асей, но та, прошлая жизнь, в которой ее бросили, как щенка, сдали назад под хихиканье и шепот детдомовских подружек, не отпускала и не давала покоя. Рита твердо усвоила истину, что любить и доверять взрослым очень опасно, но ей так опротивел детский дом, шушуканье за спиной, что она согласилась пойти к Асе и Никите.

Вечером Рита услышала разговор новых приемных родителей.

– Может, это гены проявляются? Она неуправляемая, – тихо плакала Ася.

– Ася, ты же умная и должна знать, что генетика довольно неточная наука, гены могут скрываться несколько поколений и проявляться, например, в четвертом поколении. Нет здесь однозначного ответа.

– Никита, я очень стараюсь, а у меня все время как будто земля уходит из-под ног. Не могу до нее достучаться! Полный дом подружек сегодня опять привела, валялись на нашей постели, намусорили, разбили чашки, бедлам какой-то! А она себя ведет как ни в чем не бывало, даже не понимает, чем я недовольна.

– Кто же тебе говорил, что будет легко? Девочка у нас с характером и озлобленная на жизнь.

Рита мало чего поняла из этого разговора, но он ей не понравился.

– Наверное, будут назад в детдом сдавать, – решила она. – Нет уж, еще один такой номер у вас не пройдет!

Она легла в кровать, но сна совсем не было. В маленькой девчоночьей душе копилась, клокотала и кипела злоба, которой бы хватило на десяток взрослых человек. Эта жуткая смесь из ожесточения и ненависти была готова смести, опалить и сжечь всех, кто оказался рядом. На следующий день Рита не пришла домой из школы, Ася прождала ее до шести вечера и начала беспокоиться.

– Она ушла после первого урока, сказала, живот болит, я ее отправила к вам, она и пошла, – сказала учительница Риты.

– Почему же вы ее не проводили, она же еще маленькая! – Ася заплакала, а растерянная учительница молчала. – Может, ее похитили?

– Ну что вы, Ася Ивановна, такое говорите, вы не жена олигарха и потом... – она помялась. – Рита сложная девочка. Очень сложная. Иногда жестокая, своевольная, она могла просто сбежать, например, назад, в детский дом. Вы там были?

– В детский дом? – удивилась Ася. Эта мысль почему-то не приходила ей в голову.

Ася стояла в школьном коридоре, и ее то била дрожь, будто ледяной ветер пронизывал насквозь, то бросало в жар, словно она находилась возле пылающего костра, и эти ощущения захватили ее, накрывали, как цунами. Она пыталась найти в сумке телефон, чтобы позвонить Никите, но пальцы были чужими и непослушными, она понимала, что выглядит беспомощной и жалкой. Асе казалось, что если она сделает шаг, то провалится в глубокую пропасть и навсегда исчезнет, навсегда.

– Только бы с Риткой ничего не случилось, – шептала Ася.

Глава 9

В темной-темной подсобке магазина

Серафима пришла в журналистику не случайно. Она всегда любила писать и в школе даже сочиняла стихи, особенно с близкой ей рифмой: «счастье – ненастье». Но после школы о журфаке как-то не думалось, она любила литературу и без колебаний поступила на филологический факультет педагогического института.

Это был затхлый мирок юных девиц, половина из которых мечтала выйти удачно замуж, желательно за границу. Сима в эту территорию не вписывалась, она училась жадно и с интересом, стремясь узнать как можно больше, формируя свое чувство стиля, слова и слога. Серафиме нравились латинский и старославянский языки, от которых у других студентов «сводило челюсти», как от лимона. Серафима с упоением открывала для себя другой мир, другие эпохи, где творили писатели и поэты – внешне дворяне, а в душе – обычные люди, им была чужда напыщенность царских светских приемов. Они тонко описывали переживания человеческой души, и когда Сима читала, как Герасим топил Муму, у нее на глаза наворачивались слезы.

Работать в школу Серафима Павловна тоже пришла с удовольствием, и первые месяцы учительство приносило ей «море кайфа», она даже жила, словно по школьному расписанию: от первой до второй смены, от звонка до звонка. Но однажды завуч по воспитательной работе попросила ее написать заметку в городскую газету о проблемах школьного образования глазами молодого педагога.

– Вы же учитель русского языка и литературы, значит, писать умеете, – аргумент был рациональным. – Напишите красиво, чтобы директору понравилось.

– А я заметку пишу в газету или директору? – уточнила Серафима.

– Сначала директору на согласование, а потом уже можно отдать в газету.

Текст статьи как-то сам собой получился легко и быстро.

Когда Сима пришла в здание, где располагалась редакция газеты, то без труда нашла главного редактора Дмитрия Ивановича Гука, которого почему-то все звали Димой Ивановичем. Мужчина пробежал Симин текст глазами, и она поняла, что ему понравилось.

– А вы не хотите у нас поработать? – вдруг спросил Гук. – У нас девушка одна в декрет уходит, а у вас, вижу, слог хороший. Вы интересно пишете. Попробуйте!

И Серафима, как будто бы этого неожиданного предложения всегда и ждала от судьбы, не раздумывая согласилась. Ей нужна эта атмосфера, царивший вокруг шум, эти люди. Она хочет здесь работать.

– Ты сошла с ума! – подружки-учительницы возмущались хором.

– Сошла, – согласилась Сима. – Но я хочу и буду работать в газете.

Только сейчас, вспоминая начало своего журналистского пути, Сима подумала, что если бы она тогда осталась в школе, то, может быть, и работала там по сей день и не гонялась бы за сенсациями, в надежде написать интересную статью в газету, которой еще нет.

В универсаме, куда они пришли с Аванесовым, было многолюдно: длинные очереди тянулись ко всем кассам и основательно портили покупателям все удовольствие от покупок.

– Наверное, опять акция, – тоном знатока сказала Серафима.

– Какая акция? – Аванесов жутко не любил ходить в магазины, и поэтому побыстрее хотел найти кассиршу, задать ей свои вопросы и убраться отсюда.

– В прошлый раз акция была на шпроты, а сейчас на что-нибудь другое, – объясняла Сима. – Это такое специальное предложение, когда два товара можно купить по цене одного.

– Откуда знаете? Работали в магазине?

– Я работала журналистом, а здесь работает девушка, которая тоже когда-то пробовала свои силы в нашей газете. Вон она, в красивой форме с колпаком.

– И стала продавщицей потом? – удивился Аванесов.

– Так сложились обстоятельства.

Лена Дементьева громко разговаривала с плотной невысокой женщиной, нагруженной покупками. Из ее коляски свисали сосиски, виднелись горлышки бутылок молока, коробочки разного йогурта. Сладкие булочки немного придавило картошкой, бутылка подсолнечного масла лежала на боку, подпирая сетку с мандаринами. Такой вариант маленького продовольственного склада на случай войны. Тетка оживленно жестикулировала и размахивала чеком.

– Мать-героиня, что ли? Продуктов набрала на сто лет, – бурчала Сима. – Никак нашу Дементьеву отпустить не может.

– Ну, люди! – запыхавшись, сказала Лена, подходя к ним. – Дамочка решила, что ее обсчитали на целых шесть рублей. Две кассы пересчитывали, все правильно, еле успокоили.

– Да, Дементьева, эмоциональная у тебя работа.

– Что еще случилось, Серафима Пална?

– Это следователь Аванесов, он хотел бы поговорить с кассиршей, которую ты вчера ко мне подводила.

Следователь молча кивнул, то ли в знак приветствия, то ли подтверждая сказанное Симой.

– С Кузей? – уточнила Лена. – Ой, в смысле с Тамарой Кузнецовой? Она где-то здесь ходила по торговому залу, работает сегодня на фасовке товара. Пройдемте к ней в подсобку.

Они прошли через большой торговый зал, обогнули длинные очереди, чуть не запнулись об упаковки с молоком и уткнулись в тяжелую металлическую дверь. Следователь дернул за ручку, но дверь не поддавалась. Металлическая поверхность, усыпанная болтами, как осенняя поляна грибами, не имела замочной скважины, поэтому достучаться до Кузнецовой было проблематично. Тут Аванесов надавил на дверь очень сильно, пружина натужно заскрипела, и в двери показался просвет.

– Наконец-то, – обрадовалась Серафима, – а то не дверь, а ловушка какая-то...

И тут же осеклась.

Рыженькая худенькая продавщица Тома лежала на полу подсобки, раскинув руки. Вокруг ее головы веером была разбрызгана кровь, к которой из маленького окошка подсобки шли тонкие лучики света, и казалось, что Тамара лежит в ореоле из томатного кетчупа. Продукты, беспорядочно и хаотично раскиданные по помещению, валялись на полках и в ящиках.

– А-а-а-а-а-а! – закричала Лена. – Кузя, Кузичка! Томочка, вставай!

Сима, которая сразу все поняла, обняла Дементьеву и тихо гладила ее по голове.

– Не слышит она тебя. Не успели мы, не успели мы с ней поговорить.

Оживился только Аванесов, который, как служебная собака, начал обходить, осматривать и обнюхивать помещение.

– Похоже на удар рубящим предметом, например, топором, следы об этом говорят, но эксперты скажут точнее. Сейчас вызову опергруппу. – И он начал названивать по телефону. Лена плакала навзрыд.

– Она такая спокойная всегда была, в работе безотказная, если кого подменить надо, всегда пожалуйста. Вот ведь как бывает. – Она покосилась на труп и опять зарыдала.

Сима в голове пыталась сложить обрывки приходящих мыслей.

«Это явно тот мужик, что покупал коньяк и конфеты. Но откуда он узнал, что Тома успела мне рассказать? Не мог он этого знать, если только в тот день случайно не слышал наш разговор. Но это абсурд какой-то!»

Аванесов тем временем выпроводил женщин со склада, встретил опергруппу с кинологом, и они начали осмотр места происшествия. Выяснилось, что убийство было совершено

примерно около часа назад. Служебная собака, обнюхав какую-то мужскую кепку, валявшуюся в подсобке, покрутилась у двери универсама и залаяла на молодого охранника. Парень испуганно согласился, что кепка его и потерял он ее полгода назад. А она, оказывается, все это время в подсобке валялась.

Больше никаких вещдоков, имеющих принадлежность к мужскому полу, или просто подозрительных деталей в производственном интерьере обнаружить не удалось. На месте происшествия сделали, как и положено, видеозапись, фотографии, составили схему, зафиксировали следы крови и положение трупа, а также взяли на анализ различные микрочастицы. Топор, а скорее именно он был орудием убийства, обнаружить не удалось.

Пока шла кропотливая работа в подсобке, Серафима Павловна и Лена сидели в кабинете Дементьевой, правда, кабинетом маленькую комнатку со слепым окном назвать было сложно, но как место хранения верхней одежды, а также других предметов туалета и кое-каких рабочих бумаг вполне подходило. В кабинет даже втиснулся стол, он был завален многочисленными документами, накладными, счет-фактурами. Они устроились на колченогих стульях, Лена движением руки, как фокусник, вытащила откуда-то две чашки и пакетики с чаем.

– Давайте, Серафима Павловна, чаем погреемся, а то у меня зуб на зуб не попадает. Кошмар! За что?!

– Это у тебя нервное, – сказала Серафима, погружая пакетик с чаем в кипяток. – Такой шок пережить, бедная ты моя девочка!

– Почему? Почему Тому убили? Еще несколько часов назад мы болтали, смеялись и руки у нее, – она съежилась, – были теплые. А сейчас она вся в крови в подсобке лежит!

– Лена, расскажи мне, что за человек была Тамара Кузнецова.

– Человек... – Лена задумалась. – Да обычный она человек. Года два-три назад школу окончила, сразу к нам в магазин пришла работать, в техникуме училась. Спокойная, взвешенная, добрая, никаких конфликтов с ней ни у кого не было, с покупателями вежливая.

– Дементьева! – Серафима разозлилась. – Ты говоришь сплошными шаблонами. Я у тебя, что ли, производственную характеристику прошу для выдвижения на звание «лучший рабочий»? Ты же хотела журналистом стать, а речь у тебя скудная, как у продавщицы.

– Я и есть продавщица, – обиделась Лена. – Не знаю, – девушка опять задумалась. – Тамара жила с родителями, встречалась с парнем из нашей охраны, Кириллом его зовут. Она была очень обязательная, прямо все у нее было расписано в жизни: сегодня идет бабушку проводить, завтра моет полы дома, и самое удивительное, она в этот график укладывалась. Я вот не успеваю ничего, а она мне посоветовала просто блокнот завести и записывать планы на день, потом вычеркивать. Я неделю с блокнотом проходила, а потом его забросила.

– А где ее одежда? – осторожно спросила Серафима.

– Ой, я забыла, что она у меня сегодня разделась! Вон на крючке ее черная куртка висит и маленькая сумка, тоже ее.

Серафима медленно сняла куртку с вешалки и проверила карманы, в которых оказалась только шелуха от семечек, а вот в сумке «улов» был покрупнее – кошелек со ста рублями, связка ключей, пилочка, платок, пачка чипсов, две конфеты, мобильник, упаковка аспирина и, наконец, блокнот.

– Плюшкин отдыхает, – произнесла Сима, рассматривая содержимое сумки. Она сразу потянула к себе блокнот, он был маленький, и каждая страничка исписана мелкими буквами.

– Вот смотри, сегодня в девятнадцать часов встреча, три раза с множественными восклицательными знаками написано «Н. А.» и три сердечка сбоку нарисовано. Вся страничка в вензелях. Непонятно, три встречи или одна? Это кто у нас Н. А.?

Тут в кабинет бесцеремонно ввалился Аванесов.

– Еле отыскал вас, дамы. А где вещи убитой? – строго спросил он.

Лена молча кивнула на сумочку в руках у Серафимы.

– Вы, газетчица, опять мешаете следствию?! – воскликнул Аванесов. – Отдайте сумку немедленно! – он аж задыхался от возмущения.

Сима подала Аванесову сумку, но ей стало так обидно от сказанных им слов, что она решила блокнотик не отдавать и незаметно сунула его себе в карман, так, на всякий случай. Все-таки следователь невоспитанный и грубый человек.

Глава 10

Милая девушка Тамара Кузнецова

Тамара всегда боялась расстроить маму, потому что у мамы было больное сердце, а она очень сильно переживала за дочь. Сердце болело часто, Тома капала в маленький стаканчик вонючие сердечные капли и, зажмурив глаза, протягивала маме.

– На твое лекарство, пей!

Мама не морщилась и глотала микстуру.

– Ты больше не болеешь?

– Да, доченька, я поправилась, – улыбалась мама, и вокруг глаз разбегались лучиками маленькие морщинки. Мама была красивая, только глаза у нее всегда оставались печальными.

Однажды, во втором классе, Тамара делала домашнее задание и написала слово «солнце» без буквы «л», так ей сначала казалось правильной. Но потом она подумала и решила исправить ошибку. Тома подчистила помарку лезвием от бритвы, отчего в середине слова образовалась дырка. Когда тетради в классе раздали после проверки, за работу с дыркой стоял огромный кол. Тома сразу расплакалась, и ей было не так обидно получить плохую оценку, она боялась, что на это скажет мама. К ее удивлению, мама начала жалеть Тому.

– Не расстраивайся, доченька, эта оценка – случайность. Я знаю, что ты умница.

Со стороны их отношения напоминали качели, они возлагали надежды друг на друга, не выясняли отношения, а просто боялись друг друга расстроить.

Тамара росла болезненной девочкой: то ангина, то грипп, то стоматит, то еще какая-то зараза периодически привязывались к ее маленькому организму. Врачи качали головами и объясняли, что у ребенка слабый иммунитет. Девочка привыкла быть дома одна, пить по часам горькие лекарства, полоскать горло и в свободное время смотреть в окно. За окном была другая жизнь, целый мир, чирикали воробьи, выхватывая друг у друга крошки, гуляли сытые коты и шустрые собаки. Из окна пятого этажа ей было видно большую дорогу, на обочине которой сидели бабушки в ярких платках и торговали семечками и яблоками, но самое интересное – бесконечным потоком шли люди, озабоченные и погруженные в дела. Люди шли мимо, а Тома пыталась представить, куда они спешат и что будут делать вечером.

– Телевизор лучше включи, – говорила ей мама. – Там передачи интересные, концерты разные.

Но Томе не хотелось смотреть телевизор, где показывают искусственную жизнь, а хотелось узнать поближе весь город с его людьми и настоящей, непридуманной жизнью, которая была рядом, за окном.

Мама, несмотря на проблемы с сердцем, работала на двух работах, днем вела бухгалтерию нескольких коммерческих предприятий, а вечером снова делала баланс уже предприятий других. Тома точно знала, сколько денег получает мама, потому что все траты, покупки они планировали вместе.

– Ты должна уметь вести домашний бюджет, планировать его, – убеждала мама, которая считала каждую копейку. Когда на еду денег совсем не хватало, они покупали макароны, и бывало, что пару дней довольствовались только этим блюдом. Тамара всегда знала, что работать она будет в магазине, где продают продукты, чтобы не остаться голодной.

Про папу Тамара спрашивать боялась, потому что мама сразу плакала, и у нее снова начинало болеть сердце. Соседка по площадке тетя Варя просветила девочку, сказав, что папа у нее был «видный мужчина».

– Высокий такой, интересный. – И вздыхая, добавляла: – Пил только. Водка его и сгубила, работу потерял, мамка его тянула, тянула, все на работу устраивала, последний раз устроился грузчиком в наш продуктовый магазин. Но и там он сильно пил, а потом сгинул.

– Сгинул – это как?

– Уехал на заработки в Москву и больше его никто не видел.

– Так, может, в программу «Жди меня» написать?

Тетя Варя с удивлением посмотрела на девочку.

– Ишь, какая сообразительная! Я даже не подумала, что его искать надо, вот что значит родная кровь.

Вечером Тома решила с мамой поговорить, она долго подбирала слова, но все-таки сказала про разговор с тетей Варей, про папу и про его возможные поиски.

– Ты совсем большая, Томочка. – Мама вздохнула. Она опять приболела и выглядела изможденной. – Тетя Варя зря старается и говорит про папу гадости, он был больным человеком, потому что алкоголизм – это болезнь, и она не излечивается. Он действительно уехал на заработки в Москву и там умер. Папа любил тебя очень, но справиться со своей болезнью не смог.

Тамара как-то сразу успокоилась, папу она не помнила, искать при помощи телевидения его теперь не имело смысла, а с мамой им хорошо и вдвоем. Уже в старших классах Тома понимала, что маминой зарплаты катастрофически не хватало на жизнь. Одноклассники красовались в стильных джинсах, а она ходила в единственном скромном платье. Мальчики на Тому не заглядывались, считая ее простушкой, но вот один и постоянный рыцарь сердца у нее был – сосед Кирилл, больной мальчик, обучающийся на дому. Кирилл с родителями жил этажом ниже. Дети часто играли во дворе вместе, и, как ни странно, от нападок мальчишек Кирилла защищала тихая Тома.

– Отстаньте от него, отстаньте! – тонким голоском кричала она, услышав в адрес Кирилла очередное «Придурок».

Они часто уходили к дальней дороге, на станцию и смотрели на проходящие мимо поезда. Кирилл и правда иногда вел себя странно, мог часами молчать, не двигаться, а просто сидеть на лавке и провожать взглядом вагоны.

Кирилл был чудаковатым, но у Тамары хватало терпения, да и времени выслушивать его странные стихи о разрушающемся мире и пространные разговоры о смысле жизни.

– Тебе страшно умирать? – спрашивал он и сам же отвечал: – Мне – нет. Там есть другой мир, и люди оттуда приходят ко мне и многое рассказывают.

– О чем, Кира? О чем тебе могут рассказать мертвецы?

– Они не мертвецы, они просто не могут вернуться на эту землю. Они должны много работать там, так они говорят.

– И что они делают?

– Любую работу, они этим замаливают грехи тех, кто остался на земле.

Он рассказывал о другом мире так захватывающе и проникновенно, что ей иногда и правда казалось, что люди не умирают, не уходят в никуда, а живут где-то в другом измерении. Так Томе было легче думать про папу и становилось не так обидно, что он рано умер.

Мама дружбу с Кириллом приветствовала.

– Кирилл очень умный, такой в жизни рюмку не возьмет и будет для семьи стараться. Квартира у них большая, трехкомнатная, с евроремонтом, не то что наша «убитая» однушка. – У ее мамы была своя правда.

– А чем он болен, мама?

– Душа у него больная, но человек он хороший.

Родители Кирилла тоже привечали Тамару, его мама всегда радостно улыбалась и говорила, как пела:

– Продукты. – Ей вдруг стало легко и весело, как будто они знакомы сто лет. – Молоко продаем обезжиренное.

– Обезжиренное молоко – это из раздела «здоровое питание» или рекламный трюк?

– Не знаю. Правда, не знаю, я такое молоко не люблю, оно как вода. А от воды какая польза?

Ей показалось, что дорога до дома заняла одну минуту, и Тамара с сожалением простилась с молодым человеком, забыть которого будет невозможно.

– Спасибо вам. Вы сегодня спасли человека! – сказала она на прощание.

Глава 11

Заседание «женского клуба»

Воскресным утром Сима долго валялась в постели и обдумывала, что она должна предпринять для издания собственной газеты. Сначала газету надо зарегистрировать, придумать яркое название. Затем она соберет сюда всех своих коллег, крепких профи, которых мальчик Цепляйло выкинул на улицу, не оглянувшись. Первое собрание сотрудников назначено на завтра, а сегодня ей никак не отвертеться от заседания «женского клуба».

Голос подруги Ирины в телефоне был оживленный.

– Засоня, вставай! Напоминаю, что сегодня дамский сбор у меня! Я, как специалист, наконец, расскажу вам, как сделать фигуру красивой и как правильно питаться.

– Ириш, ты опоздала как минимум на сорок лет, мне уже сейчас это не важно!

– Это важно в любом возрасте, не придумывай! А в нашем тем более. Явка обязательна!

Сима откинула одеяло, потянулась и побрела на кухню. Раньше в выходной она могла до обеда лежать в постели, смотреть любимые сериалы и просто бездельничать. Когда очередная мелодрама подходила к концу и герои с криками «навсегда вместе» кидались друг к другу в объятия, она переключала телевизор на другой канал.

Но сегодня не до сериалов – надо набросать тезисы о газете, это не «мыльные страдания». А еще неплохо бы побаловать «девчонок» яблочным пирогом, он готовится быстро и очень вкусный. Яблоки в холодильнике были, как и сметана, без которой пирог не получится. Когда Сима поставила пирог в духовку, она вдруг поняла, что все время отвлекало ее от кулинарного процесса и царапало душу, – вчерашняя находка, блокнот убитой Тамары Кузнецовой, потерянный, рабочий, с многочисленными записями и пометками.

«Опять вещдок прикарманила, нехорошо», – подумала Сима, но тут же себя успокоила. Она внимательно изучит записи, проанализирует их, подумает над неизвестными инициалами, а потом, буквально через день, например, завтра, вернет блокнот вредному Аванесову.

Духовка замигала, сообщая о готовности пирога, Сима выхватила горячий противень и добавила последний штрих, полила свой кулинарный шедевр густой, глянцевою сметаной.

Когда Серафима готовила такой яблочный десерт для мужа, она всегда добавляла корицу и ваниль. Вообще ее муж Михаил любил простую, деревенскую русскую пищу: щи, пшенную кашу, жареную картошку. Правда, после Чернобыля его вкусы резко изменились потому, что физически изменился он сам, получив большую дозу облучения. Ликвидатор Чернобыльской АЭС – так его официально называли в социальной службе, где выдали красочное удостоверение, разъяснили про льготы, в том числе про бесплатное приобретение лекарств, но ничто не помогло восстановить утраченное здоровье. По ночам Михаил кричал и махал руками, просыпалась и не спала Сима, плакала маленькая дочка Верочка. Серафима ходила с мужем по врачам, бегала за дефицитным лекарством, возила к медицинским светилам, но ничего не помогало. Михаил тихо угасал, как будто после Чернобыля совсем потерял интерес к жизни, перестал сопротивляться болезни, и Сима никак не могла его спасти. Теперь каждый год в годовщину аварии, двадцать шестого апреля, Сима с дочерью Верой ходили в церковь на поминальную службу в память обо всех погибших после чернобыльской катастрофы.

В своей новой газете она будет писать и о спасателях, об их нелегкой самоотверженной работе, а может быть, изменив имя, напишет историю своего мужа. Серафима умеет писать на любые темы, разрабатывать тему, как «золотую жилу», ведь в журналистике не обязательно быть «узким специалистом». Журналист-универсал – это не менее интересно и почетно, чем специалист в одной сфере. На основной вопрос: где взять деньги на издание – ответ был найден:

она продаст свою машину. А потом, когда газета раскрутится и станет прибыльной, купит себе «мерс», не меньше, а сейчас пока ходит пешком.

Яблочный пирог остыл, Сима его хорошенько упаковала и побежала на автобус, предвкушая дамские восторги по поводу ее кулинарного таланта.

Физкультурница Ирина Петровна, у которой сегодня собирался «женский клуб», умела «брать себя в руки» и контролировать эмоции.

Когда-то, десять лет назад, проведя интуицией любовную параллель между своим мужем и пришедшей к ней для контроля за уроком красивой брюнеткой, она упала в обморок прямо в спортивном зале. Ту ситуацию Ирочка вспоминала теперь с улыбкой.

– Какая была нервная барышня, почувала любовницу – и плюх в обморок. Думала, что сойду с ума, дурочка!

С ума сойти можно было от другого, от дальнейших испытаний, выпавших на долю их семьи. После того обморока Ира стрелой помчалась домой, чтобы наконец прямо спросить красавца Вову, во-первых, про измены, а во-вторых, про его дальнейшие планы, детей Ира отдавать ему не собиралась, а с мужем хотела решительно развестись. Правда, никаких доказательств его измены не было, только женская «чуйка» да бесцеремонное, вызывающее поведение наглой брюнетки.

Но в этот вечер муж ночевать домой не пришел, впервые за всю их семейную жизнь. Ирина Петровна сразу почувствовала неладное, провела бессонную ночь, а утром ей позвонили из милиции и сообщили, что ее муж Владимир был зверски избит хулиганами около соседнего дома и находится в тяжелом состоянии в реанимации. Володя долго пролежал в больнице, лечился, потерял память, которая не спешила к нему возвращаться. Врачи сетовали, что амнезия – явление малоизученное, и призывали не терять веру, надеяться, бороться. Ира и ее сыновья давно привыкли к тому, что в их квартире живет мужчина, который когда-то был хорошим отцом, образцовым мужем, ходил с ними в походы, смеялся и шутил, а сейчас превратился в тихого, незаметного человека, сидящего в инвалидном кресле в дальней комнате, глупо улыбающегося при виде любой персоны. Нападавших милиция так и не нашла. Разве могла тогда Ира предполагать, что ей будет абсолютно безразлично, изменял ли ей Володя. Она хотела лишь одного – лишь бы муж был здоров. Старая истина всегда актуальна – все познается в сравнении.

Сима позвонила в дверь и сразу протянула хозяйке пирог:

– Ириша, думаю, что получился вкусный! Володю угости обязательно.

– Спасибо, Симочка. – Подруги поцеловались. – Пирог ему обязательно оставлю, он любит твою стряпню, но сейчас Володя спит пока.

– Как его здоровье? – Серафима всегда задавала этот вопрос не дежурным образом, она первое время помогала Ирине и вместе с ней на своей машине возила Володю по врачам, разговаривала с ним, рассказывала истории, которые он, несомненно, знал и участником которых был, но никак этого не мог вспомнить.

Годы шли, Ирочка отступилась, свыклась с тем, что его мозг отдыхает и защищается от ненужных воспоминаний и мыслей. Первое время было очень тяжело, но потом она и дети привыкли.

В квартире разлилась мелодичная трель дверного звонка.

– Аська, Аська, Аська! – воскликнули они хором.

Ася Ивановна запыхалась.

– Когда вам лифт поставят? Вот у меня в подъезде лифт, и это правильно.

– Ничего не правильно, – сказала Ирина. – Организму нужно движение, а ты где двигаешься? На уроке переступаешь с места на место, потом до дома тебе идти десять минут, и вместо того чтобы подняться на этаж своими ногами, ты едешь в лифте, стыдоба, Асечка Иванна! Вот как раз хочь вам сегодня рассказать о правильном питании и пользе движения.

– Спихватилась! – засмеялась Серафима. – Я же говорила, что уже поздно, но, если тебе не дают спать лавры Елены Малышевой, валяй, но сначала «загрузимся калориями» и попробуем яблочный пирог.

Пирог получился очень красивым, красные и зеленые щечки яблок утопали в белом кружеве сметаны, и все это обрамлялось золотистой корочкой теста.

– Шедевр, девчонки, даже резать жалко, – воскликнула хозяйка.

– Рита такой пирог любила, мы вместе его пекли, – тихо сказала Ася.

Подруги примолкли, тема Риты была запретной, этакой территорией молчания. Подруги очень жалели Аську, поскольку та намытарилась с приемным ребенком по полной программе. Мало того что каждые полгода девочка сбегала из дома и милиция ее вылавливала то в детском доме, то снимала с поезда, то находила в приемнике железнодорожного вокзала, к тому же Рита не любила учиться и отставала по всем предметам. Несмотря на все старания Аси и Никиты, Рита росла жестоким ребенком, на ее постоянные драки жаловались в школе, но когда она ударила учительницу за то, что та хотела забрать мобильный телефон, который явно мешал на занятии, спокойная Ася взорвалась. Она кричала на Риту и плакала.

– Как ты могла, Рита? Как ты могла?! Это ненормально!

– А отбирать мой телефон – нормально?

– Я же тебя просила не брать телефон в школу. Я бы тоже отобрала телефон у ученицы, которой он мешает работать на уроке. Рита! Как ты могла?!

– Могла, – спокойно ответила Рита. – Пусть не хапает мой телефон.

Риту пришлось из той школы забрать и перевести с большими проблемами в другую, ведь педагоги написали коллективное письмо директору с просьбой отчислить трудную девочку из школы, а про Асю Ивановну шушукались за спиной.

Ася ходила по детским психологам, читала специальную литературу, но тщетно, чертенок по имени Рита не менялась в лучшую сторону, продолжала учиться плохо, а вести себя еще хуже. Ася сама занималась с ней по физике и только удивлялась, как неинтересен ей предмет, да и вообще процесс познания окружающей природы и жизни как таковой. Ритка оживлялась только при слове «шмотки», а главным ее желанием было покуролесить и «оторваться».

– Уроки, уроки, сплошные уроки! Скоро с ума сойду!

– Не может человек не тянуться к знаниям. Знания важны для каждого.

– Да зачем мне нужны твои законы физики? Ну, зачем мне второй закон Ньютона?

– Они не мои, Рита, это законы, по которым протекает жизнь. Физика дает правильное представление об окружающем мире. Без этого никак нельзя.

– А я обойдусь без физики. Вот ты знаешь все законы физики, и что? Работаешь простой учительницей, одеваешься убого, денег лишних у тебя никогда нет, в ресторан не ходишь. А я хочу быть богатой! Ни в чем себе не отказывать, носить дорогие шмотки. Для такой жизни мне физика не нужна!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.